

СВЯТИТЕЛЬ ФЕОФАН ЗАТВОРНИК «О ПОКАЯНИИ И ИСПОВЕДИ»

Содержание

- Как начинается христианская жизнь в таинстве покаяния?
- 1. Состояние грешника
- 2. Действие Божией благодати
- 3. Пробуждение грешника от греховного сна
- 4. Чрезвычайные действия благодати Божией в возбуждении грешников от сна греховного
- 5. Обыкновенный порядок стяжания дара возбудительной благодати
- 6. Восход до решимости оставить грех и посвятить себя богоугождению
- А. Восход до решимости оставить грех
- Б. Восход до обета посвятить себя Богу
- 7. Облечение силою свыше на дело богоугождения в таинствах покаяния и причащения
- А. Кающемся изрекается всепрощение в Таинстве покаяния
- Б. Кающийся приступает к Таинству святого причащения
- «Слова о покаянии, причащении Святых Христовых Тайн и исправлении жизни». Слова во Святую Четыредесятницу и приговорительные к ней недели.

Как начинается христианская жизнь в таинстве покаяния?

Начало благодатной христианской жизни полагается в крещении. Но редкие сохраняют благодать сию; большая часть христиан теряет ее. Видим, что одни являются в действительной жизни больше или меньше развращенными, с недобрыми началами, которым попущено развиться в них и укорениться. В иных, может быть, и положены добрые начала, но в ранние лета юноши, по собственному ли влечению или по соблазну от других, забывают их, начинают привыкать к худому и привыкают. Все таковые не имеют уже в себе жизни истинно христианской; им снова надобно начинать ее. Святая вера наша предлагает для сего Таинство покаяния. «Аще кто согрешит, Ходатая имама ко Отцу, Иисуса Христа Праведника» (1Ин. 2, 1). Согрешил ли, познай грех и покайся. Бог простит грех и опять даст тебе «сердце новое и дух новый» (Иез. 36, 26). Другого пути уже нет: или не грехи, или кайся. Даже, судя по многочисленности падающих по крещении, надобно сказать, покаяние стало для нас единственным источником истинно христианской жизни.

Надобно знать, что в Таинстве покаяния у одних возочищается только и возгревается дар благодатной жизни, уже воспринятой и действующей в них; у других полагается только начало сей жизни или жизнь сия снова даруется и приемлется. Мы будем рассматривать его с сей последней стороны.

В сказанном втором отношении оно есть решительное изменение на лучшее, перелом воли, отвращение от греха и обращение к Богу или возгнетение огня ревности об исключительном богоугождении с отвержением себя и всего другого. Больше всего характеризует его болезненный перелом воли. Человек привык к

худому; надобно теперь как бы раздирать себя. Он оскорблял Бога; надобно теперь гореть в огне суда неумытого (беспристрастного – Ред.). Кающийся испытывает болезни рождающих и в чувствах сердца некоторым образом прикасается мучениям ада. Плачущему Иеремии заповедал Господь «разорять и паки созидать и насаждать» (Иер. 1, 10). И плачевный дух покаяния послан Господом на землю, чтобы, проходя в приемлющих его «до разделения души же и духа, членов же и мозгов» (Евр. 4, 12), разорял ветхого человека и полагал основы для созидания нового. В кающемся – то страх, то легкая надежда, то болезнование, то легкое утешение, то ужасы почти отчаяния, то веяние отрады милосердия сменяются одни другими и поставляют или держат его в состоянии разлагающегося, или расстающегося с жизнью, в чаянии, однако ж, восприятия новой.

Это болезненно, но спасительно, и так неизбежно, что кто не ощущал такого болезненного перелома, тот не начинал еще жить чрез покаяние. И нет надежды, чтобы человек возмог и стал очищать себя во всем, не прошедши чрез это горнило. Решительное и живое противление греху бывает только от ненависти к нему; ненависть к нему – от чувства зла от него; чувство же зла от него испытывается во всей силе в этом болезненном переломе в покаянии. Тут только всем сердцем ощущает человек, сколь великое зло есть грех; затем после и будет бежать от него, как от огня геенского. Без этого же болезненного испытания, хоть и станет себя очищать иной, но будет очищать только слегка, больше внешне, чем внутренне, больше в делах, чем в расположениях; а потому и сердце его будет все оставаться нечистым, как не переплавленная руда.

Такое изменение производится в человеческом сердце Божественною благодатию. Только одна она может воодушевить человека поднять руку на себя, чтобы заклать себя и принести Богу в жертву. «Никтоже может прийти ко Мне, аще не Отец пославый Мя привлечет его» (Ин. 6, 44). «Сердце новое и дух новый» подает Сам Бог (Иез. 36, 26). Человеку самому жаль себя. Слившись с плотью и грехом, он стал одно с ними. Раздвоить его и вооружить против себя может только сторонняя, высшая сила.

Так, изменение грешника производит благодать, однако ж не без свободного желания. В крещении благодать дается нам в момент совершения над нами сего Таинства; а свободное произволение приходит после и усвоит себе данное. В покаянии же свободное желание должно участвовать в самом акте изменения.

Изменение на лучшее, обращение к Богу, как будто должно быть мгновенным или минутным, как это и бывает. Но приготовительно оно проходит несколько оборотов, означающих сочетание свободы с благодатию, где благодать овладевает свободою, и свобода подчиняется благодати, – оборотов, необходимых у всякого. Одни проходят их скоро, у других же это продолжается целые годы. Все, что здесь происходит, кто может исследить, особенно когда очень разнообразны способы благодатного действия на нас и бесчисленны состояния людей, на коих она начинает действовать? Должно, однако ж, ожидать, что при всем разнообразии есть здесь один общий порядок изменения, которого никто миновать не может. Всякий кающийся есть живущий во грехе – и всякого из таковых перетворяет благодать. Посему, на основании понятия о состоянии грешника вообще и отношения свободы к благодати, и можно теперь изобразить сей порядок и определить правилами.

1. Состояние грешника

Грешника, коему предлежит необходимость обновляться в покаянии, слово Божие большею частью изображает погруженным в глубокий сон. Отличительная черта таких лиц не всегда явная порочность, но собственно отсутствие этой воодушевленной, самоотверженной ревности о богоугождении, с решительным отвращением ко всему греховному, – то, что у них благочестие не составляет главного предмета забот и трудов, что они, заботливые о многом другом, совершенно равнодушны к своему спасению, не чувствуют, в какой опасности находятся, нерадят о доброй жизни и проводят жизнь холодную к вере, хотя иногда исправную и безукоризненную совне.

Это общая черта. В частности безблагодатный вот каким является.

Отвернувшись от Бога, человек останавливается на себе и себя поставляет главною целью всей своей жизни и деятельности. Это уже и потому, что после Бога нет для него ничего выше себя самого; особенно же потому, что, получив прежде от Бога всякую полноту, а теперь опустевши от Него, спешит он и заботится, как бы и чем бы себя наполнить. Образовавшаяся в нем пустота, чрез отпадение от Бога, непрестанно возжигает в нем ничем не удовлетворимую жажду неопределенную, но непрестанную. Человек стал бездонною пропастью; всеусиленно заботится он наполнить сию бездну, но не видит и не чувствует наполнения. Оттого весь свой век он в поте, труде и великих хлопотах: занят разнообразными предметами, в коих чает найти утоление снedaющей его жажды. Предметы сии поглощают все внимание, все время и всю деятельность его. Они – первое благо, в коих живет он сердцем. Отсюда понятно, почему человек, поставляя себя исключительною целью, никогда не бывает в себе, а все – вне себя, в вещах сотворенных или изобретенных суетою. От Бога, Который есть полнота всего, отпал; сам пуст; осталось как бы разлиться по бесконечно разнообразным вещам и жить в них. Так грешник жаждет, заботится, суетится о предметах вне себя и Бога, о вещах многих и разнообразных. Почему характеристическая черта греховной жизни есть, при беспечности о спасении, забота о многом, **многопопечительность** (см.: Лк. 10, 41).

Оттенки и отличия сей многопопечительности зависят от свойства образовавшихся в душе пустот. Пустота ума, забывшего о Едином, Который есть все, рождает заботу о многознании, разведывание, пытанье, пытливость. Пустота воли, лишившейся обладания Единым, Который есть все, производит многожелание, стремление к многообладанию или всеобладанию, чтобы все было в нашей воле, в наших руках это любоимание. Пустота сердца, лишившегося наслаждения Единым, Который есть все, образует жажду удовольствий многих и разнообразных, или искание тех бесчисленных предметов, в коих чаем найти услаждение своих чувств, внутренних и внешних. Так, грешник непрестанно в заботах о многознании, многообладании, многонаслаждении, услаждается, овладевает, пытается. Это – круговращение, в коем кружится он весь свой век. Пытливость манит, сердце чает вкусить сласти и увлекает волю. Что это так, всякий может поверить сам, устроив наблюдение над движениями души своей в продолжение хоть одного дня.

В круговращении этом и пребывал бы грешник, если бы его оставить одного: такова уж природа наша, когда состоит в рабстве греху. Но это круговращение в тысячу раз увеличивается и усложняется оттого, что грешник не один. Есть целый мир лиц, кои то и делают, что пытаются, услаждаются, стяжают, кои все, в сих видах, приемы привели в порядок, подчинили законам, поставили в необходимость всем, принадлежащим к их области, кои при взаимном союзе, приходя неизбежно в соприкосновение, трут друг друга, и в сем трении только возвышают в десятые, сотые и тысячные степени пытливость, любоимание и

самоуслаждение, в их распадении поставляя все счастье, блаженство и жизнь. Это **мир суетный**, коего занятия, обычаи, правила, связи, язык, увеселения, развлечения, понятия – все, от малого до великого, пропитано духом тех трех исчадий многопопечительности, о которых сказано выше, и составляет безотрадное крушение духа миролюбцев. Состоя в живом союзе со всем этим миром, всякий грешник опутывается тысячесплетенною его сетью, закутывается в нее глубоко-глубоко, так что его самого и не видно. Тяжелое бремя лежит на всем лице грешника-миролюбца и на каждой его части, так что и малым чем пошевелинуться не по-мирски не имеет он сил, потому что тогда необходимо бывает ему поднять как бы тысячепудовую тяжесть. Потому за такое неосиливаемое дело и не берется никто, и не думает никто браться, но все живут, движась по той колее, в какую попали.

К большей еще беде, в мире сем есть свой князь, единственный по лукавству, злобе и опытности в обольщениях. Через плоть и вещественность, с коим смесилась душа по падении, имеет он к ней свободный доступ и, подступая, разносторонне разжигает в ней пытливость, любоимание, сластолюбивую самоутешность; разными своими прельщениями держит в них безвыходно, разными подущениями наводит на планы к удовлетворению их и потом или помогает выполнить их, или разоряет указанием других сильнейших планов, все с одною целью – продлить и углубить пребывание в них. Это и составляет смену мирских неудач и удач, Богом неблагословенных. Князь сей имеет целое полчище слуг, подчиненных себе духов злобы. В каждое мгновение быстро носятся они по всем пределам обитаемого мира, чтобы там засеменить одно, в другом месте другое, углублять запутанных в сети греха, подновлять пути, ослабевшие и порвавшиеся, – особенно же блюсти, чтобы никто не вздумал разрешиться от их уз и выйти на свободу. В сем последнем случае они поспешно стекаются вокруг своевольника, сначала по одному, потом отрядами и легионами, а наконец, всем полчищем – и это в разных видах и приемах, чтобы заградить все исходы, починивать нити и сети и, по другому сравнению, опять столкнуть в бездну начавшего выбираться из ней по крутизне. Есть у этого невидимого царства духов особые места – тронные, где составляются планы, получают распоряжения, принимаются отчеты с одобрением или укором деятелей. Это глубины сатанины, по выражению святого Иоанна Богослова. На земле, в среде царства их из людей, места сии суть союзы злодеев, развратников, особенно неверов-кощунников, кои делом, словом и писанием всюду разливают мрак греховный и заслоняют свет Божий. Орган, коим выражают они здесь свою волю и власть, есть совокупность обычаев мирских, пропитанных греховными стихиями, всегда одуряющих и отвлекающих от Бога.

Вот строй греховной области!

Всякий грешник – весь в ней, но держится преимущественно чем-либо одним. И это одно, может быть, на вид иногда очень сносно, и даже одобрительно.

У сатаны одна забота, чтобы то, чем человек весь занят, где его сознание, внимание, сердце – было не Бог единственно и исключительно, а что-нибудь вне Его, чтобы, прилепившись к сему умом, волею и сердцем, он имел то вместо Бога и о том только заботился, о том разведывал, тем услаждался и обладал. Здесь не только страсти плотские и душевные, но и вещи благовидные, как, например, ученость, художественность, житейскость, – могут служить узами, коими держит сатана ослепленных грешников в своей области, не давая им опомниться.

Если посмотреть на грешника, в его внутреннем настроении и состоянии, то окажется, что он иногда и много знает, но слеп в отношении к делам Божиим и к делу своего спасения; что он хоть непрестанно в хлопотах и заботах, но

бездействен и беспечен в отношении к устройению своего спасения; что он хоть непрерывно испытывает тревоги или улады сердца, но совершенно нечувствителен ко всему духовному. В отношении к сему, грехом поражены все силы существа, и в грешнике качествуют ослепление, нерадение и нечувствие. Не видит он своего состояния, а потому не чувствует и опасности своего положения; не чувствует опасности своей, а потому не заботится и избавиться от нее. Ему и на мысль не приходит, что нужно изменяться и спасаться. Он в полной, ничем не колеблемой уверенности, что состоит в своем должном чине, что ему нечего желать, что так всему и должно оставаться, как оно есть. А потому всякое напоминание о другом роде жизни считает лишним для себя, не внимает ему, даже понять не может, к чему оно, чуждается его и бегаёт.

2. Действие Божией благодати

Мы сказали, что грешник есть то же, что человек, погруженный в глубокий сон. Как крепко спящий, какая бы ни приблизилась опасность, не проснется сам и не встанет, если не подойдет кто сторонний и не разбудит его, – так и тот, кто погружен в греховный сон, не опомнится и не встанет, если не придет к нему на помощь Божественная благодать. По беспредельному милосердию Божию, она и готова для всех, всех обходит и всякому внятно взывает: «востани, спяй, и воскресни от мертвых, и освятит тя Христос» (Еф. 5, 14).

Такое сравнение грешников с спящими дает точки для всестороннего рассмотрения обращения их к Богу. Именно: спящий пробуждается, встает, собирается идти на дело. И грешник, обращающийся и кающийся, **возбуждается** от греховного усыпления, доходит до **решимости** измениться (встает) и, наконец, **облекается силою** на новую жизнь в Таинствах покаяния и причащения (готов на дело). В притче о блудном сыне эти моменты указаны так: «в себе пришед» – опомнился; «восстав иду» – решил оставить прежнюю жизнь; и «восстав иде»; причем он говорит отцу: «согреших» – покаяние, а отец облакает его в одежды (оправдание и разрешение от грехов) и уготовляет ему трапезу (святое причащение) (Лк. 15, 11–32).

Таким образом, в обращении грешников к Богу есть три момента: возбуждение от греховного сна; восход до решимости оставить грех и посвятить себя богоугождению; облечение силою свыше на дело сие в Таинствах покаяния и причащения.

3. Пробуждение грешника от греховного сна

Пробуждение грешника есть такое действие благодати Божией в сердце его, вследствие которого он, как от сна пробужденный, **видит** свою греховность, **чувствует** опасность своего положения, начинает страшиться за себя и **заботится** о том, как бы избавиться от своей беды и спастись. Прежде он был в отношении к спасению слеп, нечувствен и беспечен, теперь и видит, и чувствует, и заботится. Но это еще не изменение, а только возможность изменения и призывание к тому. Благодать только говорит здесь грешнику: «Видишь, куда зашел; смотри же, возьми меры ко спасению». Она только изъемлет его из всегдашних его уз, ставит и держит вне их, давая ему таким образом возможность избрать совсем новую жизнь и определить себя на нее. Воспользуется сим – благо ему; не воспользуется – опять будет брошен, опять погрузится в тот же сон и ту же бездну пагубы.

Достигает сего Божия благодать тем, что раскрывает пред сознанием и чувством человека ничтожность и срамоту того, чему он предан и что так ценит. Как слово Божие проходит «до разделения души же и духа, членов же и мозгов» (Евр. 4, 12), так и благодать проходит до разделения сердца и греха и разлагает незаконный их союз и сочетание. Видели мы, что грешник всем своим существом ниспадает в такую область, где начала, понятия, суждения, правила, обычаи, наслаждения, порядки, – и все совершенно противоположное истинной жизни духовной, к коей предназначен человек. Ниспадши же сюда, не пребывает здесь особным, отрезанным, но, проникая всем, срастворяется со всем: есть весь во всем. Отсюда естественно ему не знать и не помышлять о том, что противно сему порядку, и не иметь к тому никакого сочувствия. Область духовная совсем закрыта от него. Очевидно после сего, что дверь к обращению открыться может только под тем условием, если пред сознанием грешника во всей светлости раскрыт будет порядок духовной жизни, и не только раскрыт, но и прикоснут к сердцу; порядок же греховной жизни осрамлен, отвержен и разорен – тоже пред его сознанием и чувством. Только тогда и может родиться забота – покинуть сей и вступить в тот. Все это и совершается в одном акте благодатного возбуждения грешника.

В образе своего действия возбудительная Божия благодать всегда соображается не только с узами, в коих держится грешник, но и с особым состоянием грешника. В сем последнем отношении паче всего надо взять во внимание ту разность в действии благодати, какую являет она, действуя на тех, кои никогда не были возбуждаемы, и на тех, кои испытывали уже сие возбуждение. Тому, кто ни однажды не имел возбуждения, оно дается как бы туне, как всеобщая предваряющая или зовущая благодать. От него самого предварительно нечего и требовать, потому что он весь направлен не туда. Но тому, кто уже был возбуждаем, знал и ощущал, что такое жизнь во Христе, и опять предался греху, возбуждение не дается даром. Нечто требуется и от него самого предварительно. Он как бы должен еще заслужить и вымолить; не только желать, но и делать нечто над собою, чтобы привлечь благодатное возбуждение, такой, вспоминая прежнее пребывание в добром порядке христианском, почасту желает снова его, но не получает власти над собою; хотел бы исправиться, но не может совладать с собою и одолеть себя. Он в бессилии безнадежном, оставлен самому себе за то, что прежде сам оставил дар, «укорил Духа благодати и смерть Сына Божия попра» (Евр. 10, 29). Теперь дается ему ощутить, как велика благодатная сила эта тем уже, что она не скоро подается. Поищи и потрудись, и трудностью приобретения научись ценить ее. Такой человек бывает в томительном некотором состоянии: жаждет и не напояется, алчет и не питается, ищет и не обретает, напрягается и не приемлет. Иной оставляется в сем состоянии очень-очень долго, до того, что чувствует как бы отвержение Божие, будто Бог забыл и отверг его, предал клятве, как землю, которая напоялась многократно сходящим на нее дождем и осталась бесплодною (см.: Евр. 6, 7–8). Но это медление прикосновения благодати к сердцу ищущего есть только испытательное. Проходит срок испытания, нисходит и на него снова возбудительный дух, труда ради его и потового искания, как на иных сходит он туне⁶. Такой образ действия спасительной благодати указывает нам: а) на чрезвычайные действия благодати Божией в возбуждении грешника и б) на обыкновенный порядок стяжания дара возбудительной благодати.

4. Чрезвычайные действия благодати Божией в возбуждении грешников от сна греховного

Живущим благодатною жизнью душеспасительно знать сии действия, чтобы, видя многопечительность Божию о грешниках, прославлять неизреченную благодать Божию и воодушевляться благонадежием помощи свыше на всякое благое дело. Ищущим же Божественной благодати того ради особенно нужно знать их, что в них яснее, чем где-либо, выражаются свойства благодатного возбуждения, которые нам надо хорошо сознавать и уяснить, чтобы определить – благодатное ли возбуждение есть то, что испытываем мы, – и если уже действует кто, то по благодатному ли возбуждению действует или по самодельному воодушевлению. Истинно христианская жизнь есть жизнь благодатная. Самодельная жизнь, как бы она ни была красна на вид и как бы ни держалась форм христианской жизни, никогда не будет христианскою. Начало ее полагается в благодатном возбуждении, которому внявший не лишается потом благодатного руководства и общения во все время, как пребывает верным ее внушениям. Вот почему надо хорошо себе уяснить, есть ли или было ли в нас благодатное возбуждение. Можно в удовлетворение сего требования сказать: суди себя по свойствам благодатного возбуждения, открывающимся в чрезвычайных случаях, ибо они одинаковы как в чрезвычайных случаях, так и в обыкновенном порядке, только в первых открывается ярче, определеннее и различительнее.

При благодатном возбуждении, как было уже указано, совершается мгновенно разорение в сознании всего установившегося там порядка самоугодливой греховной жизни и раскрытие пред ним иного, лучшего Божественного порядка, единого истинного и ублажающего. Сокращенно сей порядок можно изобразить так: Бог, во Святой Троице покланяемый, мир сотворивший и о нем промысляющий, спасает нас, падших, в Господе Иисусе Христе, благодатию Святаго Духа, под руководством и блюстительством Святой Церкви, чрез крестную, испытательную здесь жизнь, преводя к вечному, нескончаемому блаженству в будущей жизни. Он совмещает и лица, и события, и учреждения, и самые начала, по которым все движется. Весь сей порядок действием благодати живо печатлеется в духе человека-грешника и, разительно представляя противоположность ему и самого человека с его настроениями, и всего, чем он прежде жил и наслаждался, тогда как обязан быть в совершенном с ним согласии и подобнонастроении, – поражает его. Всякая черта его издает обличенье и укор человеку в неразумии и недобросовестности прежней, которые тем бывают впечатлительнее, что в то же время в духе видится достойная презрения ничтожность прежнего грешного порядка. Под сим действием сердце разрешается от прежних уз и стоит свободно, и потому свободно избрать новый род жизни. Это предел действия благодатного возбуждения. Оно разоряет в сознании и чувстве все прежнее – худшее, и живо представляет лишь новое лучшее, оставляя в сем положении человека, пораженного, свободным избрать новое или обратиться опять на старое. Замечательно, что благодатное возбуждение всегда сопровождается поражением и некоторого рода испугом; потому ли, что оно вдруг, как бы врасплох, схватывает грешника на распутьях жизни, как преступника, и представляет неотклонимому судилищу Божию, или потому, что новый порядок, раскрываемый в сознании, совершенно нов для него и разительно противоположен прежнему, – и не нов только, но и совершен во всех частях, и блаженствоподателен, тогда как в первом, ничтожном, одна туга сердца и крушение духа.

Все же исходная точка всех благих действий благодатного возбуждения есть это живое сознание нового Божественного порядка. Исходя из сего понятия, приведем на память все бывшие опыты благодатного сего действия. Сознание нового порядка бытия и жизни производится двояким образом: аа) иногда тот самый порядок, весь или в частях, видимо, ощутительно, самым делом представляется

взыскиваемому грешнику; бб) иногда же дух человека вводится в него и ощущает его внутренне. аа) Милосердый Господь различным образом раскрывает пред сознанием обращаемого Свой Божественный мир, в котором определено жить духу нашему.

Нередко для сего Он является Сам, видимо, под каким-либо образом, при бодрственном состоянии человека или во сне. Так явился Он Апостолу Павлу на пути его в Дамаск, Константину Великому (мая 21), Евстафию Плакиде (20 сентября), Неанию, шедшему мучить христиан (это Прокопий великомученик; июля 8), Патермуфию во сне (9 июля) и многим другим.

Иногда благоволит посылать из того мира разные лица, тоже въяве или в сновидениях, в своем виде или под каким-либо другим образом. Так многократно являлась **Мать Божия**, одна, или с Предвечным Младенцем, или в сопровождении святых – одного, двух и многих: великомученица Екатерина (24 ноября), например, обращена явлением ей Божией Матери во сне с Предвечным Младенцем, обручившим ее Себе в невесту. Многократно являлись **Ангелы**, по одному и целыми сонмами: например, святому Андрею юродивому (2 октября) во сне представился весь мир святых Ангелов в противоположность полчищу темных сил; многократно являлись **святые**: например, святитель Митрофан – врачу-лютеранину, девице больной и многим другим.

Иногда самый мир тот и особенно его чин и как бы основные начала живописуются пред неведущим сознанием в поразительном каком-либо образе, как это видно из приведенного уже случая со святым Андреем юродивым и из многих других примеров, в которых лицам обращенным были представлены **или** блаженные селения праведных, как царю индийскому и брату его, после того как святой Апостол Фома (6 октября) роздал бедным данные ему на построение дома деньги; **или** страшные мучения грешников, как Исихию Хоривиту (3 октября, Пролог), **или** производство посмертного суда, как Петру булочнику, бросившему булку в лицо нищему; **или** была напечатлеваема глубокая мысль о смерти и участи после нее, как Иоасафу царевичу (19 ноября), святому Клименту (25 ноября) и одному юноше развратному, которому умирающий отец завещал непременно каждый вечер заходить в комнату, где он умирает.

Иногда дается осязательно ощутить невидимую некоторую силу, среди видимых сил и явлений действующую, но разительно отличную от них и исходящую из иного мира. Сюда относятся все вообще чудеса, помощью которых бывшие обращения исчислить и возможности нет. И Спаситель сказал, что неверующие и не уверуют, если не увидят знамений. Большая часть их явлена после Христа Спасителя, в первые времена христианства Апостолами, а за ними святыми мучениками. Разительность присутствия здесь силы невидимой Божией часто обращала целые села и города, но никогда не оставалась совсем бесплодной. Кровь мучеников действительно лежит в основании Церкви...

Бывали и такие случаи, что сила Божия являлась сама, без посредства лица человеческого, как при обращении Марии Египетской (апреля 1), или при посредстве святых вещей, икон, мощей и др. Так, обращение евреев в Вирите совершилось от чудных явлений на иконе Распятия Господня. При всех таких явлениях сознание, запутанное разными предметами и обольщениями мира и держимое безвыходно в порядке видимом, чувственном, внешнем, – разительным, нечаянным и мгновенным представлением ему высших лиц и сил из невидимой некоторой области мгновенно исторгается из своих уз и втесняется в иной чин бытия и жизни и, пораженное, стоит в нем. Здесь происходит то же, что при возбуждении электричества в каком-либо теле электричеством другого тела.

Это последнее исторгает то из уз вещества, и, привлекая к поверхности, держит пред собою. бб) Дух наш, как мы видели, закрыт и заглушен многими покровами. Но по природе своей он есть зритель Божественного порядка. Способность к тому тотчас бывает готова явить и действительно являет силу свою, коль скоро устраняются вяжущие ее препятствия. Посему для возбуждения дремлющего в человеке духа и введения его в созерцание Божественного порядка благодать Божия или а) **непосредственно** действует на него и, исполняя его силою, дает возможность разорвать обдерживающие его узы, или б) **посредственно**, стряся с него покровы и сети и давая чрез то свободу быть в своем чине.

Непосредственно наитствует дух человека Божественная, вездесущая и всепроникающая благодать, напечатлевая в нем мысли и чувства, отревающие от всех вещей конечных и обращающие к другому, лучшему, хотя незримому и неведомому, миру. Общая черта сих возбуждений есть **недовольство** собою и всем своим и **туга** о чем-то. Становится человек не удовлетворяющимся ничем, что окружает его, – ни своими совершенствами, ни тем, что имеет, хотя бы то были несметные сокровища, и ходит, как будто горем убитый. Не находя отрады ни в чем видимом, обращается он к невидимому и приемлет его с готовностью, и искренно присволяет его себе, и себя – ему. Многие с вопросом: чем все это кончится и к чему приведет, оставляли все и изменяли не только чувства и поведение, но и род жизни. Бывали случаи, что такое недовольство выражалось преимущественно в части **знательной**, как у Иустина Философа (июня 1), который преимущественно искал света ведения Божественного Существа; иногда в части **сердечной**, как у Августина⁷, который преимущественно искал покоя своему мятущемуся сердцу; а иногда, большею, впрочем, частию), – в части **деятельной**, в **совести**, как у разбойников Моисея⁸ и Давида⁹. Множество бывало случаев, что вдруг озарялась внутренняя хранилища духа, засеменялось влечение и устремляло дух инуды¹⁰. «Не веси, откуда приходит и камо идет», сказал о сем Господь (Ин. 3, 8). Часто дух пробуждается напоминанием прошедшего. Так обращена Мария, племянница Авраамия Затворника (октября 29), погибавший в разбойничестве ученик святого Иоанна Богослова Феофил, экононом церковный. Откуда-то входит внутрь и внятно совести произносится речь: «Помяни, откуда ниспал еси!» – и сильно поражает забывшегося. Сюда можно отнести все обращения после юношеских падений. Нет сомнения, что и такие изменения промышлением Божиим издали готовятся разными случаями, располагающими к восприятию благодатного воздействия; потому и здесь непосредственность только относительная. Но, с другой стороны, и то надо ведать, что и всякое благодатное возбуждение обнаруживается в подобных сим влечениях и пробуждениях духа нашего. Благодать, хотя чрез видимое посредство, всегда, однако ж, невидимо и непосредственно прикасается к духу и извлекает его из томящих его уз во свет Божий, в область жизни Божественной.

Все посредства, относящиеся сюда, направлены на разорение уз духа. Разреши дух, дай ему свободу, и он сам собою потечет туда, откуда взят – к Богу. Узы духа, как мы видели, треплетены¹¹, составляемы будучи: аа) **самоугодием**, бб) **миром**, сс) **диаволом**. Против них и направляются разрушительные действия возбуждающей дух благодати.

аа) **Ближайшие на духе узы** суть узы **самоугодия** всестороннего, качественно в нашей животной-душевности. Они – точка соприкосновения и других уз, тех, кои идут от мира и диавола. Потому разорение их очень важно, хотя очень трудно и многосложно. Ибо, так как необращенный весь живет животной-душевностию, то узы с сей стороны расширяются, много и разно сплетаются на такое пространство, как далеко расходит жизнь животной-

душевная. Чтобы понять, как разоряются эти узы, надо взять во внимание, что здесь **то**, к чему примыкает сия жизнь, чем питается, в чем преимущественно выражается, составляет твердую для нее опору, на которой утверждаясь, она стоит и не боится поражения, не думает о нем и не чаает его. Когда кто, например, пристрастился к художественности, или житейскости, или даже учености и весь живет в какой-нибудь из них, то на нее он опирается и в ней поживает всеми силами, помышлениями и надеждами. Так как отсюда исходит вся затем самоугодная жизнь, вяжущая дух, то сия опора самоугодия естественно становится основанием твердости и крепости уз, от него налагаемых на дух, как бы точкою, к коей прикрепляются сии узы. Посему, обратно, чтобы освободить дух от уз самоугодия, Божественная возбуждающая благодать обыкновенно разоряет опоры, на коих поживает самоугодливая самость. Поколебав сии опоры в основании, она ослабляет узы и дает возможность приподнять главу умученному и истомленному духу.

Опор у нашего самоугодия много; они есть и в нашем существе, то есть в теле и душе, и во внешней жизни нашей и вообще во всем порядке быта нашего. Таково плотоугодие в разных видах, то есть сластолюбие, роскошь, похотность, празднoлюбие, страсть к развлечениям, житейская многопечительность, честолюбие, властолюбие, видимая в делах успешность, зажиточность, лестный внешний быт, ценность связей, мирность внешних отношений, пристрастие к художественности, учености, предприятиям. Все это, в многообразнейших видах, составляет твердую опору нашей самости, которая, с уверенностью в ее надежности и прочности, спокойно поживает на том и, пространно питаясь, возрастает день ото дня, у одного преимущественно в одном роде, у другого – в другом.

Спасительная Божественная благодать для пробуждения грешника от усыпления, направляя свою силу на разорение той опоры, на которой кто утверждается и поживает своею самостью, вот что делает.

Кто связан плотоугодием, того ввергает в болезни и, ослабляя плоть, дает духу свободу и силу прийти в себя и отрезвиться. Кто прельщен своею красотой и силою, того лишает красоты и держит в постоянном изнеможении. Кто упокоевается на своей власти и силе, того подвергает рабству и унижению. Кто много полагается на богатство, у того отнимается оно. Кто высокоумничает, тот посрамляется, как маловедущий. Кто опирается на прочность связей, у того они разрываются. Кто положился на вечность установившегося вокруг него порядка, у того он разоряется смертью лиц или потерей вещей нужных. Держимых в узах беспечности внешним счастьем чем иным отрезвить, как не скорбями и несчастьями? И не для сего ли вся жизнь наша преисполнена бедствий, чтобы она споспешествовала намерению Божию держать нас в трезвости?..

Все такого рода разорения опор беспечного самоугодия составляют повороты жизни, кои, потому что они бывают всегда нечаянны, действуют поразительно и спасительно. Сильнее всего в сем отношении действует чувство опасности за жизнь. Это чувство расслабляет все узы и убивает самость в самом корне; человек не знает, куда деваться. Такого же свойства и теснота обстоятельств или чувство всеобщего оставления. То и другое оставляет человека одного с самим собою, и от себя, ничтожнейшего, тотчас препосылает к Богу, или обращает.

bb) **Вторые узы духа** налагаются от **мира** и лежат поверхностнее тех. Мир, с своими понятиями, началами, правилами, вообще со всем своим порядком, возведенным в неизменный закон, налагает тяжелую, владычественную руку на всех своих чад; вследствие чего никто из них не смеет и подумать о восстании против него или отвержении его власти. Перед ним все благоговейно, с какою-то

робостию держатся его правил и нарушение их считают как бы уголовным преступлением. Мира нет как лица, но дух его каким-то образом держится в свете, влияет на нас и связывает как узами. Очевидно, что власть его мысленная, воображаемая, а не действительная, не физическая. Следовательно, стоит только развеять сию воображаемую силу мира – и к нам близка будет возможность отрезвления от его обаяния. Так и действует Божие спасительное промышление о нас. С сею целью, оно:

Постоянно пред лицом мира и нами держит два других мира, святых, Божественных, и в них и чрез них представляя вниманию и даже давая ощутить лучшее, непрестанно твердит о пустоте мирской жизни и мирских надежд. Эти Божии миры суть: видимая природа и Церковь Божия. Опыт показывает, как нередко ум, отуманенный чадом мирским, отрезвляется созерцанием творений Божиих или вступлением в Церковь. Один зимою смотрел на дерево, стоявшее пред окном, и очнулся; другой, после шумной беседы, ощутив сладость душевного покоя в храме, оставил прежние обычаи и посвятил себя служению Богу. Природа видимая и храм Божий не только вразумляли и отрезвляли часто христиан, беспечных и грешных, но обращали даже язычников к истинному боговедению и богоугождению. Одной женщине пало на сердце слово **осанна** и сделало ее христианкою. Обращение наших предков окончательно утвердилось воздействием на них храма. Великомученицу Варвару (6 декабря) обратило от идолов к Богу созерцание красот видимых творений Божиих. Сила их и влиятельность зависят от того, что они утомленному, изможденному, обессиленному, умученному суетою мира духу живо и ощутительно представляют лучший, блаженнейший порядок жизни и, мгновенно изливая в него отраду сей жизни, вразумляют человека тем, что, предаваясь владычеству мира, он только терзает и мучит себя, что счастье сокрыто совсем в другом мире и что если теперь так мучительно содружество с миром, то чего должно ожидать после? Этим зарождается призыв к миру Божию и отрывание от мира суетного, кои, иногда в виде сильного порыва, а иногда постепенно, и совсем наконец исторгают дух человека из уз мира. Таким образом, природа и Церковь суть отгнатели, развеватели, оттиратели обаяний суетного и многопрелестного мира. Они того ради Господом и поставлены в такой с нами связи, чтобы тем чаще и непрерывнее действовать на нас, разительнейше представляя противоположность одной жизни с другою.

Второй способ благодатного исторжения из уз мира состоит в том, что благодатию Бога Всепромыслителя иному пред очи представляется на деле жизнь, совершенно противоположная той, в которой он движется. Сюда относятся особенно все обращения посредством **мученичества**, и примеров тому было бесчисленное множество. Иногда мученический подвиг одного обращал целые веси и города. Тут очевидно присутствие нравственной силы из другого, не нашего мира. Иногда, кажется, надлежало бы быть верному поражению, а нет его; мучимый остается непобежденным, благодуществующим, не знает, отчего и как. Мгновенное соображение сего и ударяет в ум и разгоняет в нем обаяние прежних порядков жизни. Сюда же относится обращение разбойника царем Маврикием, который, вместо казни ему, обошелся с ним милостиво, как с заслуженным человеком; обращение блудницы, которую одна мать просила помолиться и возвратить к жизни умершего единственного сына ее, и еще другой блудницы, пришедшей в раскаяние от одного воззрения на иноков, смиренно занявшихся молитвою и богомыслием, когда она в том же доме предавалась роскоши и разврату. И все обращения **примерами жизни** принадлежат сюда же. Сила действия их в том, что лицом к лицу видятся лица довольные и покойные, без удовольствий и успокоительных предметов, коими обильно обладая, другой не

находит, однако ж, ни довольства, ни покоя. Отсюда разочарование и изменение жизни.

Третий способ отвлечения от мира есть посрамление его в лице чад своих. Иулиан¹² превозносится над всеми, свирепо восстает против христиан и грозит подавить их своею силою, но потом неожиданно падает. Это не только утвердило веровавших, но много и неверовавших обратило к Богу истинному. На святого Макария¹³, по лжесвидетельству, восстает целое селение, бьет, терзает, налагает наказание: мир восторжествовал; но потом истина открывается, посрамляет всех и всех возвращает к благоговейству и страху Божию. Сюда относятся все вразумления падениями и нечаемою смертью сильных и великих мира. Посрамление мира здесь унижает его пред лицом своих приверженцев, обличает его бессилие и тем, с одной стороны, отвращает от него, с другой – дает смелость противостоять ему.

Нередко, наконец, мир сам теснит и гонит из себя как бы самим собою, именно тем, что не удовлетворяет или постыжает ожидания. Ищем счастья; в мире и есть только слава, честь, власть, богатство, утехы, – но ничто такое не удовлетворяет искателя. Рассудительный скоро замечает обман и берется за ум. В святых Божиих видим, что многие из них, рассмотрев суету и мятежность мира, удалялись от него и решительно посвящали себя Богу. Блудный сын, в притче, говорил: «аз же гладом гиблю» (Лк. 15,17). сс) **Третьи узы духа** идут от **сатаны** и духов его. Они невидимы и большею частью совпадают с узами самоугодия и мира, которые сатана своим влиянием укрепляет и чрез них держит ум в омрачении. Но есть нечто и непосредственно исходящее от сатаны. От него некоторая неопределенная робость и боязнь, мятущая душу грешника во всякое время, а тем более тогда, когда задумает он о добре. Это почти то же, что господин грозит слуге, когда тот начинает что-либо делать не по его воле и планам. От него разные лесты духовные, как-то: у одних чрезмерная, без верных оснований, надежда на милосердие Божие, не отрезвляющая, а все более и более углубляющая в грехолюбие; у других, напротив того, отчаяние; у этого – сомнение и неверие; у того – самоуверенность и самооправдание, заглушающее всякое чувство раскаяния. Да, многое, многое прямо зависит от сатаны, хотя определить это трудно. Но и все греховное надо относить к нему, как к источнику, ибо он царь грешного мира. Одна из хитрых его уловок – скрывать себя, то есть наводить на грешников уверенность, что его нет, вследствие чего он и самовольничает с свирепостью в грешной душе, слагая греховные стремления, им внушаемые, на природу и располагая к ропоту на Бога, запрещающего будто бы естественное и повелевающего то, что выносить у них сил недостает. Вразумляющая Божественная благодать нередко исхищала грешников из челюстей ада посрамлением сатаны. Она выводила его на позор и предавала посмеянию, обнажая его бессилие и глупость и разоблачая хитрости. Так постыжен он в лице Симона Волхва, в лице Киприана Антиохийского и многих других. Все такие случаи сопровождалось обращением и вразумлением немалого числа ослепленных. Во дни Господа на земле бесы, источник неверия и сомнения, становились проповедниками веры. И святые мученики, силою всемогущего Бога, часто заставляли и отца и детей лжи говорить истину чрез кумиры в капищах. Такое раскрытие козней лукавого приводит грешника к уверенности, что он в злобных и вражеских руках, что его дурачат на зло ему самому, что обманно ведут каким-то мрачным путем к погибели и хотят порадоваться ею. Это неминуемо рождает чувство опасения за свое собственное благо, осторожность, подозрение, отвращение и к хитрецу, и к его изобретениям – порокам и страстям, и ко всей прежней жизни. Отсюда уже не далек переход к источнику истины, добра и блаженства – Богу.

Вот пути и способы, коими воздействует Божия благодать на дух человека, исторгает его из уз несвойственной ему жизни и лицом к лицу показывает другую, лучшую, ту, в которой его радость и покой. Но очевидно, что все они, сами по себе, неполны, будто не договаривают всего. Например, родилась жажда лучшего: но где это лучшее и как его достигнуть? Или потряс страх смерти и суда – что же делать, чтобы избыть¹⁴ от беды? Так и во всех других случаях. Они немы: ко всем им должен быть приложен еще способ дополнительный и совершительный. Это слово, или проповедь. Слово Божие, в разных его видах, действительно и сопровождает все показанные способы, поясняя их и указывая последнюю их цель. Без него они оставляют еще человека в неопределенном некотором состоянии и, следовательно, не производят всего, что должно. Так Апостол Павел вразумлен небесным явлением. Но Господь не все совершил в нем здесь, а сказал: «Поди к Анании и он скажет, что делать» (см.: Деян. 9, 6). Иустин Философ, Варвара великомученица, Иоасаф-царевич увидели ложь, но, чтобы познать истину, имели нужду в особых руководителях и истолкователях. Потому и поставлено у Господа Промыслителя законом: «всем всюду проповедывать, да покаются» (ср.: Деян. 17, 30). Вера от слуха, следовательно, «глаголом Божиим» (Рим. 10, 17). И сей глагол от Апостолов чрез их преемников возглашается теперь во всех концах земли. И вот существенная нужда оглашения – сказания общего, спасительного порядка Божия, необходимость общеизвестности лиц и места, куда должен обратиться за истолкованием возбужденный, чтобы не потерять напрасно возбуждения или чтобы не блуждать с ним по распутиям, истощая бесплодно силы и время. Катехизическое учение непрестанно должно быть слышимо (и, действительно, слышится) в Церкви. Верные стоящие будут чрез то более и более созидаться; падшие же и возбужденные тотчас будут иметь неслестного путеуказателя. Как многоценен долг священников благовременно и безвременно возвещать спасительные пути Божии, не полагаясь на общеизвестность, большею частию, предполагаемую!..

Но слово Божие не только восполняет все показанные способы, но и заменяет их. Оно возбуждает полнее и внятнее. По сродству его с духом нашим, также исходящим от Бога, оно проходит внутрь, до разделения души и духа, оживляет последний и осеменяет его к плодоношению дел жизни духовной (отчего слово и называется **семенем**). Возбудительная сила его тем значительнее, что оно действует разом на всего человека, на весь его состав – тело, душу и дух. Звук, или членосостав слова, поражает слух, мысль занимает душу, а невидимая, сокровенная в нем энергия касается духа, который, если вонмет, после того как слово благополучно пройдет и тело, и душу – эти грубые заставы, – возбуждается и, приходя в напряжение, разрывает держащие его узы.

Слово Божие показанными же способами и возбуждает; именно: или живейшим представлением сознанию Божественного порядка, или введением в него нашего духа, чрез разорение держащих его преград. Например, один старый слуга сказал в простоте больному своему господину: «Сколько ни бейся, батюшка, а придется умереть», – и тем возбудил его к покаянию. Другой прочитал под изображением распятого Господа: «Вот что Я для тебя сделал; ты же что для Меня?» и пробудился от усыпления. Святая Пелагия слышала о смерти, суде и горькой участи грешных и отстала от грешной жизни. Равноапостольный князь Владимир обращен описанием всего Божественного порядка, начиная с сотворения мира до конца всех вещей, Страшного Суда и вечной участи добрых и злых. Да и вообще проповедь святых Апостолов, а по их следам и всех проповедников Евангелия, состояла в простом, без умствований, представлении истины. Святой Апостол Павел говорит о себе, что его слово и проповедь были не в убедительных человеческой мудрости словах, а в простом сказании о деле спасения чрез

Господа нашего Иисуса Христа, на кресте распятого (см.: 1Кор. 2,2–4). И это, можно сказать, естественнейший способ действия чрез слово изображать истину, как она есть, не заграждая ее умственными соображениями и особенно предположениями о вероятностях. Истина сродна духу. Просто и искренно высказанная, она найдет его; обставленная же образами, офигуренная и разукрашенная, останется в фантазии; загроможденная соображениями и доказательствами, задержится в рассудке или душе, не достигая духа и оставляя его праздным. Можно сказать, что вся неплодность проповедания зависит от умствований, которыми набивают его. Но разъясни истину просто, раскрой, в чем она, – и дух будет побежден. Еврей читал Евангелие – и обратился, ибо узрел истину в простом Евангельском сказании. Вообще, множество вольнодумцев обратилось живым сознанием Божественных вещей, по указанию слова Божия – живого или писанного. Истина рассеивает мрак суетных помышлений, освежает душу, освещает дух. Можно бы с великою пользою употреблять почаству, в общих разговорах, краткий пересмотр того, как все началось, чем кончится и почему.

С другой стороны, силою слова нередко разоряются преграды духа и дается ему свобода. Так, святой Антоний Великий услышал слово о ничтожности благ земных – и все оставил. Один юноша прослушал проповедь о блудном сыне – и покался. Изображением суетности житейской и мирской многие святые, уже на брачном ложе, склоняли своих супругов к беспорочной, чистой жизни. Вообще, представление Божественного порядка – с одной стороны, и раскрытие разных очарований – с другой, исполняют душу полнотою **спасительного вѣдения**, или ясным и убедительным знанием спасительного пути, против которого редко может устоять упорство сердца. Очень многие, если не действуют, как должно, с напряжением, а остаются в усыплении и беспечности, то потому, что не знают спасительных истин или неполно знают. Полнота знания победительна, ибо тогда некуда укрыться лукавому сердцу.

В силу сей всеобъемлющей общегодности к пробуждению грешников слово Божие на земле ходит и до слуха нашего доходит многообразно. Оно неумолчно слышится в храмах, на всяком богослужении, и вне храмов, во всяком чине церковном; оно в пениях и песнях церковных; оно в проповедях отеческих и во всякой душеполезной книге; оно в душеспасительных беседах и ходячих изречениях назидательных; оно в школах, картинах и всяком видимом предмете, представляющем духовные истины. Судя по сему, мы объаты словом Божиим, оглашаемя им со всех сторон. Отовсюду идут к нам гласы трубные на разорение твердынь греха, как стен иерихонских. Во всех сих видах своих слово Божие уже показало и постоянно показывает свою победоносную над сердцем человеческим силу. Надлежит только заботиться, чтобы пути, коими расходится слово Божие, были хранимы и непресекаемы, – чтобы не умолкала проповедь искренняя, чтобы богослужение совершалось по чину и в назидание, чтобы иконописание было здраво и свято, пение трезвенно, просто и благоговейно. Исполнение сего лежит на служителях алтарей. Они потому суть в руках Промысла Божия самые необходимые и самые могущественные орудия к обращению грешников. Надобно им сознать сие и не молчать не только в храмах, но и в домах, всяким случаем пользуясь – то изобразить в слове мир Божий, то раскрыть оболъщения нашего духа призраками душевно-телесности¹⁵.

5. Обыкновенный порядок стяжания дара возбуждательной благодати

Замечено уже было, что в разнообразии действий благодатных возбуждений особенного достоин замечания тот образ действия ее¹⁶, какой употребляет она в отношении к грешнику, уже испытавшему сии возбуждения и опять отпавшему

в грех, решительным падением в обычные свои смертные грехи. Чем чаще повторяются сии отпадения, тем слабее становится возбуждение, потому что к нему сердце как бы привыкает, и оно переходит в ряд обычных явлений душевной жизни. Вместе с таким умалением оно из чувства энергического, каким характеризуется в настоящем своем виде, все более и более приближается к мысли и наконец переходит в одно простое помышление и воспоминание. Это помышление до поры до времени принимается с согласием, потом только терпится, хотя без неудовольствия, но холодно, без особого внимания, а затем уже становится докучливым, его спешат поскорее сбывать и, наконец, от него чувствуют неприятность и отвращение; его уже не любят, а ненавидят, преследуют, гонят. Соответственно сему падает убеждение в необходимости лучшей духовной жизни; сначала необходимость сия представляется только вероятною; далее закрывается сомнениями, в виде вопросов о разных сторонах своих; еще далее ненужность и излишность ее становится более чем вероятною; наконец, внутри полагается решение: «Живи, как живется, и так можно прожить; все другое – излишние хлопоты». Здесь человек приходит в глубину зол и нерадит, состояние, сходное с состоянием и того, кто ни однажды не принимал возбуждения.

Очевидно, что спасение последнего в крайней опасности. Велико Божие милосердие, но и оно, может быть, не возможет уже сделать с ним ничего, как с землею, многократно пившею сходящий на нее дождь и неплодоносною, которая стала «клятвы близ» (Евр. 6, 8). И вот это последнее следствие от неустояния в порядке жизни, требуемом благодатными возбуждениями, особенно надобно напечатлеть в памяти тем, кои нуждаются в нем. Правда, Божественная благодать не связывается в своих действиях подобными измерениями и определениями, но бывает, что и согласуется с ними. Потому, хотя не должно отчаиваться в возможности обращения и спасения, сколько бы слабо ни было призывание на возврат к доброй жизни, однако же всегда с робостью и боязнию должно помышлять о своем положении при такой слабости. Не ниспали ль мы до последней возможности принимать благодатные возбуждения? Не преградили ль все пути всежелательной нашего спасения Божественной благодати действовать на нас? Не последние ли это приближения ее к нам с целью образумить нас и положить конец безобразию жизни нашей? Посему, коль скоро подобные призывания слабы, надобно спешить воспользоваться ими со всею твердостью намерения, хотя более рассудочного, и усилить их, сколько это дано свободе человека. Очевидно, такое усилие будет не что иное, как разверстие себя для призываемой и искомой благодати, разверстие, ибо в прежние падения более и более ожестевали мы и закрывались для благодати то в той, то в другой части. Оно будет совершаться преданием себя благодати тем путем, какой будет сейчас указан к восхождению до энергии первовозбужденного, ибо должно думать, что последняя будет расти вместе с тем, как будет приниматься тот или другой предмет к раздражению усыпленных духовных движений. Таким образом, тогда, как у первовозбужденного все совершается ретиво, быстро, огненно, – у последнего дело идет холодно, неспешно, многотрудно. Его будто оставляет благодать себе самому, чтобы дать почувствовать, как драгоценно неизменное послушание Богу зовущему, и поселить расположение дорожить Божиими пособиями. Желание при сем хранит Господь, отрешение же не вдруг подает, а держит человека посреди, в томлении, не склоняя будто ни туда, ни сюда, чтобы испытать усердие и образовать желание и обещание постоянства. Затем испытанного уже и отрешает.

Этими немногими чертами имели мы в мысли различить два образа действий Божией благодати, из которых об одном Господь говорит: «Се, стою при дверех и

толку» (Апок. 3, 20), а о другом: «...ищите, и обряцете; толцые, и отверзется вам» (Лк. 11, 9). Первый образ нами описан; относительно второго предлежит вопрос: как искать и во что **толкать**?

В чрезвычайных случаях благодать Божия оказывает свое действие быстро и решительно, как видим, например, на Апостоле Павле, Марии Египетской и прочих, но в обыкновенном порядке обращений большею частью бывает так, что приходит человеку только мысль – переменить жизнь и стать лучше в своих делах и внутренних расположениях. Приходит мысль – но как много надо придать ей, чтобы она возобладала над душою! Большею частью такого рода благие помышления остаются бесплодными, не по своей, однако ж, вине, а по недолжному отношению к ним тех, чью душу посещают они.

Первая и главная в отношении к ним погрешность та, что их оставляют неисполненными, отлагают день ото дня. Отлагательство – общий недуг и первая причина неисправимости. Всякий говорит: «Еще успею», – и остается в старых порядках привычной недоброй жизни. Итак, пришла благая мысль исправиться – ухватись за нее, займись тем, чего ради она послана к тебе, и с сею целью прежде всего гони отлагательство.

1) **Гони отлагательство.** Не позволяй себе сказать: завтра или когда-нибудь после, займись этим, а сейчас же приступи к делу. Возьми в орудие себе здравое рассуждение и помощь его:

Живее вообрази неразумие, безобразие и опасность отлагательства. Говоришь: «после», но после будет труднее это сделать, потому что сам больше привыкнешь к греху и больше сделаются запутанными обстоятельства и связи твои греховные. Но какой смысл опутанному больше и больше себя опутывать и держать на уме, что и при этом после распутаться ему будет так же легко, как и теперь? Уж если сознаешь, таким оставаться тебе нельзя, каков ты теперь, что мешкаешь? Ведь, наконец, Бог может сказать: «Был ты мне в сытость» (ср.: Ис. 1, 14), и сам можешь зайти за черту, из-за которой нет возврата. А это такого рода беда, для избежания которой нет труда, которого основательно можно было бы пожалеть. Если добросовестная мысль озаботится представить все это отчетливо и живо, то все главные деятели души отвратятся от отлагательства, внутри не будет за него заступника. Увидишь, что оно вражески относится к тебе, и сам взглянешь на него неприязненно.

Отлагаем оттого, что благая мысль, посетившая нас, стоит в нас еще только как мысль, еще не привлекла сочувствие, не движет желания. Она, среди других наших интересов, явилась, чуждая гостья, манит издали, действует не впечатлительно. Провести ее дальше в глубь души и указать ее цену и привлекательность – твое уже дело. Итак, поставь ее на первом плане, вообрази ее правоту, покажи радость и высоту, какие она обещает, уверь себя в легкости ее исполнения. Благая мысль действует слабо и не привлекает сердца оттого, что есть другие планы в голове, есть предметы интереснее, по указанию предзанявших тебя влечений. Так вызови же на среду и сличи беспристрастно. В сравнении с тем, что представляет благая мысль, ничто устоять не может; все отодвинется на задний далекий-далекий план. Указуемое благою мыслию останется одно и, как единственно ценное и прекрасное, привлечет.

Недугуем отлагательством наиболее оттого, что в эту пору позволяем ослабеть в себе энергии, поблажаем лености, вялости, сонливости, нерешительности и в мысли, и в деятельных силах; так можно взять себя и с этой стороны, поживее представив себе, как унижительно попускать это в обыкновенных делах, тем паче в самонужнейшем деле спасения, – что во всем должно оказывать себя живым и

быстродейственным, стыдно допускать противное, стыдно отлагать до завтра то, что можно и должно сделать сегодня.

Таковыми и подобными приемами гони отлагательство. Как кто сумеет это сделать, только сделай. Пришла благая мысль уговори себя не отлагать исполнение ее, расположи и заставь себя сейчас же начать действовать по указанию ее. Кто отложил дело до следующих дней, тому сегодня нечего предлагать дальнейших советов.

Но полагаем, что благая мысль принята и заняла внимание. Теперь надобно поспешить довести ее до такой меры возбужденности, на которой она сильна будет стать рычагом, легко и сильно приводящим в движение все внутреннее наше. Для сего надо дать ей простор пройти внутрь, а для этого надлежит делать над собою, скажем так, некоторые операции, как самое нужное и самое действенное приготовление к возбуждению.

Операции сии должны быть противоположны тем тонким сетям, или тому порядку расположений, коими задерживается человек в грехе. Грех опутывает душу многими сетями или скрывает себя от ней многими покровами, потому что и по себе он безобразен и с первого раза мог бы оттолкнуть от себя. Самый глубокий и ближайший к сердцу покров составлен из **самообольщения, нечувствия и беспечности**; выше над ним, ближе к поверхности, лежат **рассеянность и многозаботливость** главнейшие деятели, скрывающие и питающие грех и греховные обычаи и порядки; самый верхний покров – это **преобладание плоти**, покров, более других видный, не менее, однако ж, их сильный и значительный.

Первый покров есть существенный покров. Он производит то, что человек не видит опасности своего положения и не желает переменить его. Последние два суть только орудия; ими лишь обнаруживается и поддерживается то греховное состояние. Когда приходит Божественная благодать, она, проходя «до разделения души и духа», прямо ударяет в первый покров и разрывает его. Под ее действием человек грешный тотчас становится обнаженным и стоит пред своим сознанием во всем безобразии. Но когда человек только еще сам ищет благодатного возбуждения, ему надобно начать действовать совне и простираться внутрь.

Итак, хочешь ли как следует заняться объявившим тебя помышлением перемене недоброй жизни, – начинай снимать с себя греховные покровы, как снимают слои земли, чтобы открыть сокрытое там.

Прежде всего возмись за **тело**. Откажи ему в наслаждениях и удовольствиях, стесни удовлетворение самых естественных потребностей; продли час бдения, умали обычную меру пищи, приложи к трудам новый труд. Главное, как хочешь и как можешь, облегчи плоть, утончи ее дебелость. Этим душа высвободится из связности веществом, станет подвижной, легче, примчивее для впечатлений добрых. Вещественное тело, преобладая над душою, сообщает свою неподвижность и холодность. Подвиги телесные ослабляют эти узы и устраняют следствия их. Правда, не всякий грешник живет неводержно и поблажает телу, но едва ли найдется лицо из обычно живущих, которое не имело бы в чем отказать телу, когда на сердце западает желание спасения. А цель много значит: она совсем изменяет действия. Что прежде делал ты по обычаю или в пользу своих занятий, начни то делать теперь, с некоторыми, конечно, переменами и прибавками строгости, спасения ради, и осязательно ощутишь разность.

Тело обременяет душу сновне; **заботы и расхищение мыслей** томят ее внутри. Допустим, что смирена уже плоть, – этим сделан первый шаг; но две заставы отделяют душу от себя самой.

Заботы не оставляют времени заняться собою. При них одно дело в руках, а десятки в голове. Оттого они гонят человека все вперед и вперед, не давая ему возможности осмотреться и взглянуть на себя. Итак, отложи на время заботы, все без исключения, отложи только на время; после опять возьмешься за обычные дела, только теперь прекрати их, выкинь их из рук, выбрось их и из мысли.

Но и тогда, как заботливые дела прекращены, смятение еще надолго остается в голове: мысль за мыслью, то в согласии, то одна другой наперекор; душа рассеяна, ум шатается в разные стороны и тем самым не дает установиться в себе чему-либо постоянному и твердому. Собери же рассеянных чад своих воедино, как пастырь собирает стадо или как стекло рассеянные лучи, и обрати их на себя.

Желание углубиться в себя и заняться собою, пресечением рассеяния мыслей и заботливости, потребует, конечно, как неизбежного средства, с одной стороны, уединения, с другой – прекращения обычных занятий, и житейских и должностных; прежде же указанное смирение плоти потребует изменения в порядке удовлетворения естественных потребностей. Судя по сему, самым удобным временем к тому, чтобы устроить перемену своей жизни, должно счесть время поста какого-нибудь, особенно же Великого. Тут все к тому преднастроено – и дома, и в церкви, и даже в обществе. На это время все и смотрят, как на приготовление к покаянию. Однако ж из этого не следует, что, когда пришла благая мысль о перемене жизни, исполнение ее надо отлагать до наступления поста. Все требуемое при сем может быть исполнено и во всякое другое время кроме поста. Но уж, конечно, когда пришел святой пост, грех пропустить его, не позаботясь о спасении души, как пропускается другое время. Кому придет спасительное помышление о перемене жизни не во время поста и кто находит к приведению его в исполнение какие-либо помехи в своем быту, тому лучше всего удалиться на время в какую-либо обитель. Там удобнее совладать с собою.

Вот ты стоишь теперь у своего сердца. Пред тобой твой внутренний человек, погруженный в глубокий сон беспечности, нечувствия и ослепления. Начинай будить его. Пришедшая благая мысль уже потревожила его немного. Приступи же тем с большею благонадежностью и сильнейшим напряжением мысли, собрав все свое внимание, начинай наводить на себя разного рода представления, более или менее сильные и поразительные, применяя, однако ж, их к внутреннему своему состоянию.

Прежде всего снимай с очей ума твоего покровы, содержащие его в **ослеплении**. Если человек не отстает от греха и не бежит от него, то это наиболее оттого, что не знает себя и той опасности, в какой находится ради греха. Если бы ему открылись очи, то он побежал бы от греха, как бежит из дома, объятого огнем. Такое ослепление происходит и от невнимания к себе: человек не знает себя потому, что никогда не входил в себя и не думал о себе и своем нравственном состоянии; но большею частью ослепление поддерживается некоторыми определенными предубеждениями относительно себя. Человек сам по себе составляет некоторую сеть помышлений, систематически закрывающих его от себя самого. Пусть сии помышления – сеть паутиная, только самые легкие вероятности, – но уму некогда с отчетливостью разобрать их; а тут за их действительность и истину так громко говорит сердце. Это собственно наши нравственные заблуждения или предрассудки, происходящие от вмешательства сердца в дела разума. Вот почему к глубокому вниманию надобно присоединить

с сей минуты еще некоторую трезвенность, отстраняющую всякую лесть сердца лукавого. Пусть с этой минуты, если что нужно чувствовать сердцу, оно чувствует под влиянием представлений ума, а не само по себе, как бы забегаая вперед, иначе оно опять заставит разум представлять вещи по-своему, опять подчинит его себе, опять внесет беспорядок в понятия и, вместо просветления, еще в большее повергнет ослепление.

Поставив теперь себя в такое положение, начинай изводить на средину разные помышления, держащие тебя в ослеплении, и подвергай их строгому и нелицемерному суду.

«Я христианин», – говоришь ты и успокаиваешься на этом. Вот первая лесть – перенесение на себя преимуществ и обетований христианских, без заботы об укоренении в себе истинного христианства, или усвоение имени того, что может лежать и держаться только на силе и внутреннем достоинстве. Объясни же себе, что обманчива надежда на имя, что Бог может и из камней воздвигнуть чад Аврааму и во всякое время отменит Свои обетования, коль скоро не исполняются условия к участию в них. Главное, уясни себе, что значит быть христианином, сличи себя с сим идеалом, – увидишь, насколько основательна эта опора твоего ослепления.

«Да ведь мы не из последних»; знаем кое-что, и если обсудить что возьмемся, сумеем обсудить, и дела свои ведем не наобум и не без такту, как другие». Так иные прельщаются душевными своими совершенствами. Другим, напротив, лезут в глаза телесные совершенства – сила, красота, род. Те и другие тем резче ослепляются, чем выше мы стоим над всеми в окружающей нас среде. Уверь же себя:

Что естественные совершенства и вообще не имеют цены нравственной, потому что они не наше приобретение, а дарованы нам Богом; тем паче в христианстве все естественное не ценно по причине порчи естества в падении. Освяти свое добро верою во Христа Спасителя и жизнью по сей вере, тогда и посмотри на него, как на добро.

Опять – все ли сделано тобою, что можешь и должен ты сделать по твоим дарованиям? Ты большему подлежишь ответу, потому что тебе больше дано. Не о способностях дело, а об их употреблении. Укажи, что приобрел ты ими? Соответствует ли прибыток употребленному расходу?

Про телесные или какие-либо случайные преимущества нечего и говорить. Святой Златоуст в одном месте выставляет человека, который хвалит другого за то, что он хорош собою, статен, богат, имеет хороший дом, ездит на отлично убранных лошадях и прочее, и потом обращается к нему с такою речью: «Что ж ты мне ничего не сказал про него самого? Все, что ты говорил, не есть он».

А на других смотреть нечего; пусть они сами по себе. Всякий за себя будет давать отчет. Ты на себя посмотри и, отрезав себя от других, себя только одного суди без сравнения с другими. Или если уж сравниться хочешь с кем-нибудь, то сравни себя со святыми угодниками. Они суть живой закон христианский, или живой образец спасающихся. По ним, если станешь судить себя, не ошибешься.

«Мы не так еще худы»: кажется, не безобразничаем, и другие смотрят на нас не как на худых, не лишают своего уважения и внимания, – и притом не простые только, но и из важных особ». Самого густого мрака покров ослепления благовидностию внешнего поведения и внешних отношений! Уясни себе повпечатлительнее, что внешнее не ценно без внутреннего. Внешняя исправность поведения листья; внутренние добрые расположения – плод. Смоковница листьями обещала плоды, но Спаситель, не нашедши их на ней, проклял ее. Таков

же пред лицом Его и всякий внешне исправный, без искренне доброго и богобоязненного сердца. «Сыне, даждь ми сердце», – говорит Господь у Премудрого (Притч. 23, 26). Из сердца как все доброе, так и все злое. Каков ты в сердце, таков ты пред лицом Господа. Если ты горд в сердце, то как ни смиренничай наружно, все Господь видит тебя гордым. Так и во всем прочем. А суд других – обманчивая лесть. Другие не знают нас, а относятся к нам хорошо, или предполагая нас добрыми, или подчиняясь закону приличия. Не бывает ли так, что те, кои около нас и видят худо в нас, но не намекают нам о том по своим причинам? Не бывает ли и таких опытов, что иные, видя худо в других, похваляют их за то и тем возбуждают некоторый дух молодечества в художении; и неразумный вниматель их пошел без остановки все глубже и глубже во зло и худобу, ибо когда видит человек в окружающих улыбку удовольствия от дел своих, то остается во зле с некоторым самодовольством. Не потерпеть бы и нам чего подобного, если так чутко будем прилагать ухо только к суждениям о нас других!..

«Но пусть и худо есть во мне – **будто я один таков?** Таков же и тот-то, и тот-то, даже и вот кто. Да мало ли можно найти таких, которые худы, еще хуже меня...» Ослепляем себя обычностью греха вокруг нас. Уясни же себе, что множество грешащих не изменяет закона правды и не избавляет никого от ответственности. Бог не смотрит на число. Хоть все согрешили, всех и накажет. Сколько народилось людей до потопа, а все погибли, кроме осьми душ, а с Содомом и Гоморрой пять городов пожрал огонь с неба, и никто не спасся, кроме Лота с дочерьми. И в аде мучения не легче будут оттого, что много там окажется мучимых; напротив даже, не усилятся ли там вместе с тем страдания каждого? Такими и подобными рассуждениями спеша разогнать мрак предрассудочных помышлений, держащих тебя в ослеплении и не дающих тебе взглянуть на себя как следует. Целью сей первой работы над собою поставь – привести себя в сомнение и колебание относительно безопасности своего состояния. Ты дойдешь до сего естественно, когда одну за другою начнешь отнимать опоры, на которых ложно утверждается наше ослепление, мало-помалу начнешь разрушать пустые надежды на себя и что-либо свое, мало-помалу станешь разбивать «непщевания вины о гресех», то есть склонность всегда и во всем себя оправдывать. Уверь себя, что христианство твое ни во что, если ты худ, что совершенства твои больше обличают, чем оправдывают тебя, что исправность твоя внешняя есть лицедейство богоненавистное, при неисправности сердца, что ни похвалы других, ни широкость товарищества в художестве не укроют тебя от Божия суда и гнева. Мало-помалу будешь обособляться в мысли и становиться одним – один пред взором ума и совести, которая подаст сильный голос против тебя, особенно после того как, сличив себя с тем, каким тебе подобает быть во Христе, найдешь, что ты далеко отстал от своего первообраза. Вследствие сего, если сознание твое не будет лукавить пред собою, естественно тебе оробеть за себя. Отрезанный как бы от всех и всех опор лишенный, ты должен будешь поразиться чувством безнадежности и опасения за себя. Всячески до сего именно предела должен ты доводить помянутую работу над своим ослеплением. Возрождение сего чувства есть всегда преддверие бегства греховного, как на войне колебание рядов вражеских есть знак скорого их обращения в бегство.

Коль скоро произойдет таким образом хоть легкое движение чувства своей греховности и опасности оставаться в ней, углубись еще больше в себя и еще с большим напряжением мысли поражай себя какими-либо грозными и отрезвляющими представлениями; потрясай и умягчай ими **нечувственное сердце** свое, как тяжелый молот умягчает жесткий камень.

Помяни последняя твоя. Говори себе: «Увы, скоро **смерть**». Один, другой умирает около тебя; вотвот ударит и твой час. Не отдаляя от себя часа смертного, внуши себе, что уже послан Ангел смерти, идет, приблизился. Или вообрази себя человеком, над головою которого меч, готовый поразить его. Затем живее представь, что будет с тобою в смерти и после смерти. «Суд при дверях». Тайная твоя обличится пред Ангелами и всеми святыми. Там, пред лицом всех, будешь ты один с делами твоими. От них или осудишься, или оправдишься. А что – **рай**, и что – **ад**?.. В раю – блаженство, которого описать нельзя; в аде – мука без отрады и конца; на нем печать решительного отвержения Божия. Восприими все это в чувство и понудь себя побыть в нем, пока не исполнит тебя **страх** и **ужас**.

Обратись потом к Богу и поставь себя, оскверненного и обремененного многими грехами, пред лицом Его, вездесущего, всеведущего, всещедрого, долготерпеливого!.. Еще ли будешь оскорблять око Божие мерзким видом своим греховным? Еще ли будешь обращать неблагородно хребет к ущедряющему тебя всесторонне? Еще ли будешь затыкать уши пред отеческим гласом, милостиво призывающим тебя? Еще ли будешь отвращать руку, простираемую к приятию тебя?.. Восприими в чувство эту несообразность и поспеши возбудить и укрепить в себе **жалость** и **печаль по Боге**.

Помни притом, что ты христианин, искуплен Кровию Христовою, омыт водою крещения, приял Духа Святого, бываешь на Трапезе у Господа и питаешься Плотию и Кровию Его. И все сие поправлено тобою греха ради, разрушающего тебя!.. Взойди мысленно на Голгофу и пойми, чего стоят грехи твои... Ужели и еще будешь уязвлять главу Господа терниями грехов твоих? Еще ли будешь пригвождать Его ко кресту, прободать ребра Его и издеваться над долготерпением Его? Или ты не ведаешь, что, греша, участвуешь в мучении Спасителя и разделишь за то участь мучителей, а если бросишь грех и покаешься, то причастишься силы смерти Его? Избирай одно из двух: или распинать и вечно гибнуть, или сраспинаться и живот с Ним вечный наследовать.

Рассуди далее, что такое грех, к которому ты так льнешь. Это зло, бедственнейшее из всех зол, оно отдаляет нас от Бога, расстраивает душу и тело, предает мучениям совести, подвергает казням Божиим в жизни, в смерти и по смерти, ввергает в ад, заключая рай на веки. Какое чудовище любим!.. Восприими в чувство все злое от греха и напрягись **возгнушаться им** и **отвратиться от него**.

Посмотри, наконец, на грех со стороны диавола, первого его производителя и размножителя, и рассмотри, кому работаешь ты грехом. Бог все для тебя и делал, и делает, а ты не хочешь угождать Ему; диавол ничего для тебя не делает и только тиранит тебя грехом, а ты охотно и неумолимо работаешь ему. Ты друhestвуешь с ним чрез грех, а он злобствует к тебе чрез него. Манит к греху обещанием сласти от него; впадающих же в грех мучит и терзает им. Здесь внушает, что грехи – ничего, а там будет выставлять их в наше обличение, как важные пункты. Он трясется от злобной радости, когда кто попадает в сети греха и остается в них. Сообрази все сие и возбуди в себе неприязнь к этому человеконенавистнику и делам его.

Когда таким образом будешь втеснять в сердце одно за другим сокрушающие и смягчающие чувства – то ужас и страх, то печаль и жалость, то отвращение и ненависть, – оно будет мало-помалу согревать и приходить в движение, а за ним начнет приходить в движение и напрягаться расслабленная воля. Как струи электричества сообщают телу некоторую напряженность и возбужденность или как утренний, чистый и прохладительный воздух сообщает некоторую свежесть и подвижность, так и чувства сии, исполнив душу, возбуждают уснувшую ее энергию, возродят позыв и готовность действовать для выхода из опасного своего

положения. Это будут первые начатки деятельного попечения о спасении своем. Спешите же с сей минуты еще решительнее.

2) Гнать **сон беспечности**. Расслабла воля на добро долгим пребыванием в грехе, – собирай теперь вокруг нее такие помышления, которыми обыкновенно возбуждается энергия: представь на стороне добра спасительность, высоту, общегодность, легкость исполнения и удаления препятствий, отраду, сейчас готовую, и главное – необходимость; на стороне же греха – все противоположное сему; подольше и поискреннее потолкуй это себе, пока расшевелишь себя и приведешь в бодренное напряжение, готовое тотчас приступить к делу. Говори душе своей:

Ведь одно из двух: или вечно погибать, если так останешься, или, если не хочешь этого, то покайся и обратись ко Господу и заповедям Его. А медлить чего ради? Чем дальше, тем хуже. Блюдись при том, ведь смерть при дверях.

Много ли труда? Только начни, только подвигнись. Господь близ, и всякая помощь от Него готова тебе.

А благо какое!.. Сбросишь это бремя и эти узы, вступишь в свободу чад Божиих.

Что мучишь ты себя, как враг какой? Ни днем ни ночью не видишь покоя. Всюду смятение и тревога. Только один сделай поворот внутри, и все это исчезнет, увидишь отраду жизни.

Посмотри, все уже пошло ко Господу... и тот обратился, и другой, и третий. Ты что стоишь? Иди! Разве ты хуже других?

Все вокруг тебя живет и все призывает тебя к жизни. Бог несть Бог мертвых, но Бог живых. Приобщись и ты к живущим Его жизнью. Иди, пей из источников воды живой.

Энергия расслабевшей воли всегда возбуждается, когда поставит себя человек между крайностями – или гибнуть, или изменить жизнь. Чувство самосохранения тотчас начнет возбуждать на дело. Укажи после сего, сколь великое благо ожидается от перемены жизни на лучшее, как легко это сделать и как ты способен к тому и призван, и все средства имеешь под руками; как все добрые, и на земле и на небе, будут обрадованы, вступят в общение с тобою, на руки тебя возьмут, и пойдет радость в общей жизни со всеми живущими о Христе Иисусе Господе нашем, – укажи все это, и воспрянет ослабшая воля, исправятся расслабленные колена твои.

Так трудясь над собою, больше будешь прогонять свое ослепление, нечувствие и беспечность. Но трудись, и трудись не ослабевая. Есть лукавство в грешной душе, что она всячески уклоняется от труда по делу спасения. Приди, возьми и понеси ее; поперечить не станет – ей лишь самой потрудиться не хочется. В твоём внутреннем никто господином быть не может, кроме тебя самого. Сам войди в себя и сам себя ломай, поражай, вразумляй; сам с собою веди дело пред лицом Бога; сам себя уговаривай и убеждай. Посемуто в деле обращения рассуждение с самим собою, можно сказать, единственная к тому дверь. Уж если сам собою не рассудишь и не обдумаешь, как быть, кто за тебя это сделает? Оттого и говорится тебе: «О том рассуди, то представь, в то и то вникни».

Судить по сему можно, какое великое благо для грешника, если развращение его не успело еще погасить в нем совсем света ведения истины. Пусть нрав испортился, пусть чувства нечисты, но если держатся в душе здравые понятия, – все еще есть за что взяться тому, кто стал думать о спасении. Когда же и их не станет, когда развратится и ум – или падет в сомнение, потеряет убеждение, или примет совсем превратные учения, – тогда нечем уже действовать человеку на себя, тогда надо уже признать, что от ног до главы нет в нем целостности. До такого,

впрочем, состояния редкие доходят. И те, кои доходят, если есть для них возможность обращения, обращаемы бывают чрезвычайными и поразительными действиями благодати Божией. Большая же часть грешников не теряют веры, или образа здравых, по Апостолу, словес, а только нравственно развращаются. Таковым достаточно возочистить забвением потемненные понятия и восставить ослабевшее убеждение в них – от невнимания и небрежения о всяком вообще добре. Сядь и сам все просмотри, чему должен ты веровать, как жить и чего надеяться, по Символу веры и заповедям Господним. Если затрудняешься, просмотри в катихизисе; если и этого не можешь, переговори с кем-либо, ближе же всего с духовным отцом твоим. Когда это сделаешь, победоносно восстанет в тебе царственная истина – и начнет со властью теснить овладевшую тобою неправду дел, расположений и чувств. Легко тогда будет твоему рассуждению – и ослепление свое разоблачать, и нечувствие поражать, и беспечность прогонять.

Когда столько указывается предметов, о коих надо рассудить с самим собою, то не следует думать, будто это могут выполнить только ученые. Рассуждение с самим собою о спасении всякий может вести, даже дитя. Это не то, что ученое рассуждение. Всякая приведенная на мысль истина сама тотчас внушает, чего она требует. Будь только добросовестен и возроди искреннее желание добра себе, с готовностью последовать указаниям истины¹⁷.

Но всячески рассуждение свое надо так вести, чтобы оно было приспособлено к цели – действовать на душу и возбуждать. Для сего:

Когда рассуждаешь, то не умствуй, задаваясь разными вопросами, но, уяснив себе предмет, поставь его к сердцу тою стороною, какая, чаешь, будет впечатлительнее, и созерцай его так.

Не перебегай скоро от одной мысли к другой – это скорее рассеет, чем соберет и окажет какое-либо действие на душу. И солнце не согрело бы ни одной твари на земле, если бы пробегало по лицу ее мгновенно. Мерою рассуждения о том или другом да будет сочувствие. Всякую мысль доводи до чувства и до тех пор не отступай от нее, пока не проникнет она в сердце.

Если можно, не оставляй мысль голою, в одной, так сказать, рассудочной форме, а облеки ее в какой-либо образ и носи его потом в голове, как постоянного возбудителя. Всего лучше, если можно в одном образе сосредоточить несколько поразительных представлений. Так, святитель Тихон, чтобы напечатлеть в уме грешника мысль об опасности его положения, вот что говорит: «Над тобою – меч правды, под тобою – ад, готовый пожрать тебя, впереди – смерть, сзади – множество грехов, по правую и левую стороны – толпы злобных врагов: тебе ли быть в беспечности?..» Образ легче вспоминается и держится в уме, действует сильнее и впечатлительнее.

Прибери краткие, но сильные изречения, применительно к твоему состоянию, и потом чаще повторяй их в себе умственно или внешним словом. Например: «Позна вол стяжавшею, и осел ясли господина, а ты? Или о богатстве благодати и долготерпения нерадиши?.. По жестокости твоей и нераскаянному сердцу собираешь себе гнев в день гнева и праведного суда Божия. Бди, не веси бо, когда Господь приидет. Се ми гроб предлежит, се ми смерть предстоит. Камо пойду от Духа Твоего и от лица Твоего камо бегу? – Оброцы греха смерть. Враг, яко лев, рыкая, ходит. Дай отчет о приставлении домовне; емуже дано много, много взыщется от него; раб, ведевый волю господина, биен будет много; помяни, откуда ниспал еси» и прочее. Собери и запомни такие изречения и бей ими твое сердце. Может быть, какое-либо из них станет огненною стрелою, которая поразит и разжжет.

С одним рассуждением, однако ж, не оставайся, а перемежай его молитвою. Ведь мы то же теперь делаем, как и тогда, когда хотим вырвать дерево, выросшее в землю. Подходим и колышем, напрягая силу рассуждения с самим собою, себяуговаривания, себяубеждения. Колышем, а вытащить не можем – глубоко выросли корни. Нет в нас потому силы, нет силы и подрезать эти корни. Вот и ищи помощи!

Во время ли рассуждения падет какое чувство на сердце или так возбудится какое умиление – встань и молись. Молись, чтобы Бог освятил твой труд над своим окаменелым сердцем, чтобы какой-нибудь твоей мысли дал силу, разрушающую и созидающую, или Сам пришел бы и умягчил, пробудил, уязвил.

В молитве сей сам молись; изреки то, что на душе, и свою кровную нужду открой благонадежно словом простым, детским, кратким, а лучше и без слов, так припадай к Богу в болезненном к Нему обращении.

Не умствуй, не сочиняй молитв. Приступи в простоте, с одною нуждою своею, как больной к врачу, как связанный к освободителю, расслабленный к восстановителю, с искреннею исповедью немощи своей и бессилия одолеть себя и с преданием себя Божию вседействию.

Падай ниц, клади поклоны – многие, многие, бей в перси. И не отходи от молитвы, пока движется молитва. Охладеет молитва, берись опять за размышление, а от сего опять переходи к молитве.

И для молитвы, как для рассуждения, приberi краткие к Богу воззвания и повторяй их чаще: «Пощади Твое создание, Владыко! – Боже, милостив буди мне грешному! – О, Господи, спаси же! О, Господи, благопоспеши же!» Припоминай церковные возбудительные песни и пой их: «Се жених грядет... Множество содеянных мною лютых, помышляя, окаянный, трепещу страшнаго дне суднаго. Душе моя, душе моя, востани, что спиши!» – и подобные...

Так трудя себя, бей непрерывно в двери милосердия Божия.

Чего ищем, трудясь? Благодати Божией возбуждающей. Благодать Божия обыкла для воздействия на нас избирать известные посредства, как сказано в описании чрезвычайных действий благодати. Итак, приложи к себе сии посредства и ходи под их осенением и влиянием. Не падет ли и на тебя из какого-нибудь луч благодати, как падал на других, подобных тебе, грешников?

Избирала Божия благодать для действия своего храмы Божии и церковный чин. Ходи и ты в церковь и терпеливо, внимательно и благоговейно выстаивай священнодействия. И вид церкви с устройством ее, и чин последования служб, и пение с чтением – все может подействовать. И не дивно, что, вошедши в церковь праздным, выйдешь оттуда зачавшим дух спасения.

Действовала благодать чрез слово Божие. И себе возьми его и читай. Может быть, встретишь такое место, которое поразит и тебя, как поразило Августина место, на которое пали глаза его, по раскрытии Нового Завета.

Умягчалось сердце иных грешников от бесед с людьми благочестивыми. Поди и ты побеседуй. Слово за слово в беседе – не выпадет ли и такое, которое и у тебя пройдет до разделения души и духа, **судительно помышлениям и мыслям сердечным?** Может быть, живое слово, согретое любовью, пройдет до глубины сердца твоего и потрясет составившиеся там твердыни греха.

Сильною являлась молитва бедных. Поди и ты умножь милостыню, отри слезы несчастных, устрой, если можешь, разорившихся. Молитвенный вопль нищего доходит до неба и проходит небеса небес. Не изведет ли он и к тебе Ангела-руководителя как к Корнилию сотнику?

Ходя среди сих и подобных дел, будешь касаться сосудов и носителей благодати. Уканет¹⁸, может быть, и на тебя откуда-нибудь живительная роса ее и оживотворит замерзшие в тебе ростки духовной жизни.

Итак, пришла мысль об исправлении своей жизни и своего нрава, – отгнавши отлагательство, утесни и облегчи плоть свою подвигами телесными, отстрани заботы и развлечения прекращением на время обычных дел и уединением, и затем, сосредоточившись в себе вниманием, разными спасительными помышлениями напрягайся разогнать ослепление, нечувствие и беспечность посредством рассуждения с самим собою или разглагольствия с душою своею, перемежая его молитвою и постановлением себя под влияние таких случаев, кои Божественная благодать избирала уже в посредство к своему воздействию на души грешников.

Трудись, напрягайся, ищи – и обрящешь; толцы – и отверзется тебе. Не ослабевай и не отчаивайся. Но при всем том помни, что труды сии составляют только опыты усилий с нашей стороны к привлечению благодати, а не самое дело, которого еще мы ищем. Недостает главного – благодатного возбуждения. Очень заметно, что, рассуждаем ли, молимся ли или другое что делаем, втесняем как бы нечто чуждое в свое сердце, совне. Бывает, что соответственно силе напряжения некое воздействие от сих трудов низойдет до известной глубины в сердце, но потом опять оттуда извергается, по какой-то упругости непокоривого и непривычного к тому сердца, подобно тому как извергается из воды палка, вертикально погруженная в воду. Тотчас же после сего опять начинается холодность и дебелость на душе – явный знак, что тут не было благодатного воздействия, а один наш труд и наше усилие. Потому не успокаивайся на одних этих делах и не почивай на них, как будто они и были то, что тебе следует сыскать. Опасное заблуждение! Равно опасно думать, что в этих трудах заключается заслуга, за которую необходимо должна быть ниспослана благодать. Совсем нет! Это только приготовление к принятию, самое же дарование совершенно зависит от воли Раздателя. Итак, при рачительном употреблении всех предуказанных средств, ищущему следует еще ходить, ожидая посещения Божия, которое, впрочем, не приходит с усмотрением, и никто не знает, откуда оно приходит.

Когда придет сия возбуждающая благодать, только тогда начнется настоящее внутри дело перемены жизни и нрава. Без того успеха и ожидать нельзя – будут одни попытки неудачные. Свидетель тому блаженный Августин, который долго маялся сам над собою, а одолел себя уже тогда, когда осенила его благодать. Трудись, ожидая, в верной надежде. Придет – и все устроит.

Естествен после этого вопрос: что же такое благодатное возбуждение? В какое состояние оно поставляет человека-грешника? И как состояние это разнится от других подобных состояний? Надо знать характеристические черты возбуждения, чтобы не пропустить его бесплодно и чтобы вместо него не принять какого-либо естественного состояния. Состояние души, возбужденной благодатию, определяется по противоположности состоянию души, усыпленной грехом:

Грех разлучает Бога и человека. Человек, отходя от Бога ко греху, не ощущает своей зависимости от Него, живет себе, как будто он не Божий и Бог не его, как своевольный раб, бежавший от своего господина. Теперь это средостение разоряется.

Чувство зависимости от Бога возвращается. Человек живо сознает свою всецелую подчиненность Богу и полную пред Ним ответственность. Прежде небо было для него медяно и словно густым покровом простиралось над его главою, а теперь некоторый луч проходит сквозь сей мрачный покров и указывает ему Бога,

Владыку и вместе Судию. В нем возбуждается с силою **чувство Божества**, со всеми Его совершенствами, и неотразимо стоит в душе, исполняя ее всю. Тут основание и возможность будущей благодатной духовной жизни.

Грех окутывал прежде человека слепотою, нечувствием, беспечною. В момент воздействия благодати спадает эта трехслойная окаменелая чешуя с окованной ею души. Человек теперь хорошо **видит все безобразие** свое внутри и не только видит, но и **чувствует**. Вместе с тем сознает опасность своего положения, начинает робеть за себя и **заботиться** о своей участи. И не только западает в душу робость, но, при чувстве ответственности своей пред Богом, страх, томление, досада, стыд начинают сильно поражать его сердце. **Его грызет совесть**.

Но тут же дается ему некоторое ощущение и сладости жизни по Боге. Чувствуя всю непотребность греховной жизни и питая отвращение к ней, как морю зла, он вместе предощущает, что в открывшейся теперь для его душевного ока области добра сокрыты отрада и утешение. Она созерцается им, как земля обетованная, как место блаженнейшее и безопаснейшее от всех треволнений. Сие то предощущение и есть преимущественно такое явление в душе грешной, которого человек сам собою произвести никак не может. То – блага Божии и состоят в Его власти. Думать о них – не значит ощущать их. Бог Сам вводит дух человека в Свою сокровищницу и дает вкусить от благ ее.

Заметь, сколь необходимо сие действие благодати Божией на пути освобождения души из области греха. Цель возбуждения благодатного и сила его – в том, что оно извлекает человека из уз греха и поставяет на точке безразличия между добром и злом. Весы воли нашей, в которых она склоняется то на ту, то на другую сторону, должны теперь стоять в уровень. Но этого не будет, если не дать грешнику вкусить хоть в предощущении сладость добра. Если не дать сего, то сладость греха, как уже изведанная, сильнее влекла бы его к себе, нежели добро, и выбор все падал бы на сторону сего последнего, как и бывает в задумываниях переменить жизнь без благодатного возбуждения. Ибо то общий закон; *ignoti nulla cupido*, то есть чего не знаешь, того не желаешь. Но когда, в благодатном возбуждении, дается ему вкусить сладость добра, то и оно начинает привлекать его к себе, как уже изведанное, ведомое и ощущаемое. Весы равны. В руках человека полная свобода действия.

Таким образом, как блеском молнии, освещается все и в человеке, и вокруг него при благодатном возбуждении. Он вводится теперь сердцем, на одно мгновение, в тот порядок, из которого изгнан грехом, вставляясь в цепи творения в ту связь, из которой самовольно исторгся грехом. Оттого это действие благодати всегда почти обозначается испугом и мгновенным потрясением, как спешно идущего в задумчивости потрясает внезапно услышанное «стой!». Если смотреть на это состояние по понятиям психологическим, то оно есть не иное, как пробуждение духа. Собственно, духу нашему свойственно сознать Божество и высший некоторый мир или порядок вещей, возвышать человека над всем чувственным и уносить в чисто духовную область. Но в греховном состоянии дух наш теряет свою силу и сорастворяется с душевностию, а чрез нее с чувственностию до того, что будто исчезает в них. Вот теперь благодатию он извлекается оттуда, поставяется, как на свещнице, во внутренней нашей храмине и светит всему там сущему и оттуда зримому.

То состояние, в какое поставяется душа в благодатном возбуждении, сходно со многими естественными состояниями, с которыми его, однако ж, смешивать не должно.

При благодатном состоянии человек находится в некотором томительном, скорбном состоянии недовольства собою и своим положением: однако ж это не то, что **скука**. В скуке нет определенного предмета: тут человек крушится и грустит, не зная сам, отчего и о чем; напротив, в благодатном возбуждении есть определительный предмет скорби, именно: оскорбление Бога и осквернение себя. Та душевна, а это духовно; та мучительна, мрачна, убивающа, отчего и говорят: «Душит тоска», а это оживляет и возбуждает. В обыкновенном нашем быту этих неопределенных тоскований бывает немало, и каждое со своими оттенками. Между ними достойно особенного замечания тоскование о родине небесной, чувство недовольства ничем тварным, чувство глады духовного. И это одно из естественных движений нашего духа. Когда мало-помалу умолкнут страсти, он поднимает свой, внятно отзывающийся в сердце, вопль о стеснительном и униженном состоянии, в котором его держат, почему его не питают тем, чем должно, а томят голодом. Это – тоска по отчизне, воздыхание, которое Апостол слышал и во всей твари (см.: Рим. 8, 22). Однако ж и это не то, что благодатное возбуждение. Оно есть одно из естественных движений или отправлений нашего духа и одно само по себе немо и бесплодно. Благодатное возбуждение на него нисходит и сообщает ему светлость и оживленность.

При благодатном возбуждении есть крушение духа, пробуждение тревог совести; однако ж это совсем не то, что обыкновенное досадование на себя за промахи в нашем быту, более или менее значительные. Мы терзаемся, когда не то скажем, не так что сделаем, и вообще во всех случаях, где, как говорится, пришлось осрамить себя, говорим даже при этом: «Ах, как совестно!» Но это совсем не то, что голос совести в духе, теперь слышимый. Там человек имеет в виду только себя и свои временные отношения, а здесь, напротив, себя и все временное совсем забывает и видит только одного Бога оскорбленного и свои вечные отношения расстроеными. Там он стоит за себя и человеческие правила, а здесь – за волю Божию и славу Его. Там скорбит о том, что осрамился пред людьми, а здесь о том, что постыдил себя пред Богом, до людей же и даже до целого света ему и дела нет. Затем там скорбь безотрадная, а здесь она растворяется некоторою отрадою. Ибо там вся опора его на себе и других, и когда эта основа расстроилась, то ему некуда уже обратиться, а здесь все от Бога, Которым он не чаает быть отверженным, но уповает на Него. И обыкновенные наши совестности подражают действиям совести истинной: можно сказать, что они суть тоже действия совести, только искаженной, низведенной из своего чина. Вместе с духом и она ниспала с свойственной ей высоты, из области духовной, и впала в руки и власть душевно-телесности, стала служить одним земным целям, стала, так сказать, светскою совестью, которая сильнее чувствует оскорбления человека, нежели Бога.

При возбуждении благодатном дается сердцу ощутить иную некую лучшую, совершеннейшую, отраднейшую жизнь; однако ж это совсем не то, что бывает у тех, кои чувствуют пробуждение светлых порывов и благороднейших стремлений (назвать бы – движение идей). Эти явления сходны тем, что возвышают над обыкновенным порядком вещей и стремят к осуществлению внушаемого; но они далеко расходятся в направлениях и целях. Последние упирают в какую-то туманную область, а первое обращает к Богу, в Нем указывает успокоение и дает предвкусить его. Цель первого – жизнь в Боге с вечным блаженством, а у последних имеется в виду нечто, конечно, всегда великое, особенное, но о чем ничего более нельзя сказать, кроме «нечто». Разительнейшая же разность их в том, что последние прерываются и действуют поодиночке: дух пробуждается здесь у одного – одною, у другого – другою стороною; первое же обнимает весь дух всесторонне и, ставя его у цели, удовлетворяет его или дает предвкусить

полное в сем порядке удовлетворение. Порывы высших стремлений духа суть остатки образа Божия в человеке – образа разбитого, посему и обнаруживаются подобно тому, как лучи раздробленные и рассеянные. Надобно собрать эти лучи в одно, как бы сконцентрировать, и тогда в фокусе образуется луч зажигающий. Сие то, так сказать, сконцентрирование лучей духа, единичного в себе, но раздробившегося в многочастной душе, и производит возбуждающая его благодать и возжигает огонь жизни духовной, не в холодное созерцание поставляя человека, а в некое горение живительное. Такое собрание духа воедино сходится в чувстве Божества: тут и зародыш жизни. Так и в природе: до тех пор не является жизнь, пока силы ее действуют раздробленно, но как скоро высшая сила собирает их воедино, тотчас является живое существо, например растение. Так и в духе. Пока стремления его прорываются раздробленно – то одно, то другое, и одно в одну сторону, а другое в другую, – нет в нем жизни. Когда же высшая, Божественная сила благодати, одновременно наитствуя дух, сводит все его стремления воедино и держит их в сем едином, – тогда и огонь жизни духовной.

По таким признакам легко отличить благодатное возбуждение от обыкновенных явлений духовной жизни в человеке, чтобы не смешать и, главное, не пропустить воспользоваться им к своему спасению. Это особенно надобно знать тем, на коих благодать Божия воздействует без предварительных трудов их и не с особенною силою. Возбужденного состояния пропустить без внимания нельзя, но можно не обратить на него внимания должного и, побывши в нем, опять низойти в обычное круговращение движений души и тела. Возбуждение не завершает дела обращения грешника, а только зачинает, и после него предлежит труд над собою, и труд очень сложный. Все, впрочем, относящееся сюда совершается в двух поворотах свободы: сначала в движении к себе, а потом от себя к Богу. В первом человек возвращает себе потерянную над собою власть, а во втором себя приносит в жертву Богу – жертву всесожжения свободы. В первом доходит он до решимости оставить грех, а во втором, приближаясь к Богу, дает обет принадлежать Ему единому во все дни жизни своей.

6. Восход до решимости оставить грех и посвятить себя богоугождению

А. Восход до решимости оставить грех

Сама ли собою посетит кого благодать или взыщет кто ее и обрящет – состояние, в которое поставляет она человека, в первом своем действии на него, в том и другом случае одинаково. Возбужденный поставляется благодатию в среднее между грехом и добродетелью состояние. Она извлекает его из уз греха, лишив сей последний власти определять его к действию, как бы против воли, но не переводит его на сторону добра, а только дает ощутить его превосходство и отрадность с чувством обязательства быть на его стороне. Человек стоит теперь точно между двумя распутиями, и ему предлежит решительный выбор. Святой Макарий Египетский говорит, что и приходящая к нему (человеку) благодать нимало «не связывает его воли принуждающею силою и не делает его неизменным в добре, хотя бы он хотел или не хотел сего. Напротив того, и присущая в человеке Божия сила дает место свободе, чтобы обнаружилась воля человека, согласуется ли, или не согласуется она с благодатию» (Слово 1. О хранении сердца, гл.12). С сей минуты начинается сочетание свободы с благодатию. Совне воздействовала благодать – и состоит совне. Входит она внутрь и начинает обладать частями духа не иначе, как когда желанием своим открывает ей человек вход в себя, или отверзает уста к принятию ее. Возжелает человек – и она готова с помощию. Сделать или утвердить в себе доброе сам

человек не может, но желает его и напрягается; ради же сего делания благодать укрепляет за человеком желаемое добро. Все так и будет идти до окончательного возобладания человека над собою в видах добра и богоугождения.

Все, что должен сделать человек в сем труде над собою или как дойти до решимости, есть то же, что обыкновенно бывает, когда решаемся на какое-либо дело или предприятие. Обыкновенно после того, как родится мысль что-либо сделать, мы склоняемся на эту мысль желанием, удаляем препятствия и решаемся. То же и в решимости на христианскую жизнь, надо: а) склониться желанием на нее, б) удалить препятствие внутри образованию решимости и в) решиться. Хотя действие благодати поставляет дух в возбужденное состояние, но все же внушение ее переменить жизнь есть только помышление, хотя более или менее живое: «Не оставить ли грех», или: «Надо оставить». Пробудившийся от сна видит, что пора и надо встать, но, чтобы встать, должен употреблять особые усилия, делать особые движения разными частями тела. Он напрягает мышцы, сбрасывает то, чем прикрыт, и встает.

Итак, восчувствовав в себе благодатное возбуждение, спешит склонить на его требования свою волю, согласись на его внушение, что тебе, безответному пред Богом и нечистому, необходимо надо исправиться и приступить к этому **сейчас же**.

У того, кто искал благодатной помощи и теперь чувствует посещение ее, такое желание должно быть присуще, – оно уже и руководило его во всех указанных трудах; но в состав его, или к его совершенству, и здесь прибавляется нечто. Есть желание мысленное: ум требует, и человек себя нудит; такое желание заправляет приготовительными трудами. Есть желание сочувственное; оно зарождается под действием благодатного возбуждения. Есть, наконец, желание деятельное – согласие воли сейчас приступить к делу восстания от падений; ему должно образоваться теперь, по благодатном возбуждении. И вот первое дело возбужденного по возбуждению.

Что не всякий возбужденный приступает к делу перемены жизни на лучшее, это всякому известно, как и не всякий проснувшийся тотчас встает, а бывает, что несколько раз снова засыпает.

Благодатное возбуждение, с одной стороны, поставляет человека в льготное и живое состояние, а с другой предъявляет требования довольно стеснительные. Кто теперь более приляжет к первой стороне, тот может позволить себе парение мыслей и преждевременно предаться радости жизни, как будто уже все имеется, что следует иметь. Эта льготность, себе данная, не дает обратить должного внимания на происшедшее, а сопряженное с тем рассеяние внутреннее скоро охладит – и благоприятное время, и состояние пропущено. Опять настает обычная дебелисть, при которой не совладаешь с собою. Кто, напротив, прилегал более ко второй стороне, тот может позволить себе несколько поосвободить себя из этого стеснения, как дитя сбрасывает повязку с раны с целительным пластырем потому только, что она теснит. При этом иной, чтобы развеять мрачные, как ему кажется, мысли, берется за невинные будто бы развлечения беседы, чтения, а иной подвергает исследованию родившееся томительное чувство, чтобы доискаться, отчего и как могло оно образоваться. Там – сторонние впечатления, а здесь разлагающее действие исследования изглаживают спасительное изменение, происшедшее внутри. От сего и этот ниспадает наконец в обычную, неподвижную дебелисть.

Кажется, и не следовало бы этому быть, а бывает, потому что и благодатные возбуждения находятся в разных степенях и обстоятельствах, в которых они приходят, могут быть таковы, что заслонят важность и цену явления их внутри.

Премудрая благодать попускает это, искушая свободное произволение человека. Вот почему и говорим: коль скоро восчувствовал ты благодать возбуждения, сознал, что это – оно, а не другое что, то спеши склонить на его внушения волю твою. А для сего:

Поверь в простоте сердца, что это от Бога, что Сам Бог зовет тебя к Себе, Сам приблизился к тебе, чтобы произвести в тебе спасительное изменение.

Поверив, не позволяй себе пропустить и это действие милости Божией бесплодно. Только возбуждение сие дает силу преодолеть себя. Отойдет – сам себя не одолеешь. А придет ли еще – сказать не можешь. Может быть, в последний раз является тебе это снисхождение. После него впадешь в состояние ожесточения, а из него – в нечаяние и отчаяние.

Употребляй старание и усилие, сколько можно, удерживать себя в том спасительном состоянии, в котором ты поставлен. Как горючее вещество, если его долго держать перед огнем, не только согревается, но и загореться может, так естественно может возгореться желание благодатной жизни, если подольше продержат себя под действием благодати.

Посему отстрани все, могущее погасить этот зачинающийся огонек, и окружи себя всем, что может питать его и довести до пламени. Уединись, молись и с самим собою поразмысли, как быть. Тот порядок жизни, занятий и трудов, какой указан уже и который проходить принуждал ты себя, ища благодати, есть самый благоприятный и для продления в себе ее начавшегося действия. Лучшие же из них в этом случае уединение, молитва и размышление. Уединение будет собраннее, молитва глубже и размышление действеннее. Рассуждай с собою, проходи все мысли, какие и прежде собирал ты, пытаясь прогнать ослепление, нечувствие и нерадение. Пусть теперь этих трех нет уже, но тебе предлежит разжечь желание, начать дело сейчас. На это и обрати все действие. Теперь рассуждение твое с собою будет не то, что было прежде. Без возбуждения оно обычно уклоняется в общность; теперь, напротив, подражая благодати и под руководством ее, оно все будет относить прямо к тебе самому, без всяких извинений и уклонений, будет обращать к тебе предметы сторонами, наиболее могущими действовать на тебя. Потому, собственно, ты в сем случае не столько размышлять будешь, сколько переходить от ощущения к ощущению.

Вот в этом-то труде твоём над собою при помощи благодати и произнесется наконец в сердце единому Богу и тебе слышное слово: «Надобно же наконец; итак, сейчас начну». Видимо, что это есть заключение; но по каким законам и из каких положений оно выводится, никакая наука определить не может. Все предметы рассуждений предыдущих могут быть ведомы ясно, а заключения того может и не быть. Бывает даже так, что иной все те предметы так сильно излагает в слове, что от действия их десятки и сотни доходят до того заключения, а у него самого оно не произносится в сердце. И того никто не может сказать, кто тут действующий – благодать или свобода, ибо бывает, что благодатное действие туне проходит и все усилия свободы остаются бесплодными. И та, и другая сочетаются непостижимым для нас образом, сохраняя, однако ж, каждая свою природу. Можно так сказать: свобода предаёт¹⁹ себя, благодать приемлет и проникает ее. Отсюда – сила желания: «Итак, сейчас за дело».

Вот, наконец, склонился человек на сторону добра, готов вступить на этот святой путь, готов ходить в добрых делах богоугождения; но в это мгновение вся бездна зла, крившаяся в сердце, возмечается, как прах, и стремится опять покрыть всю душу. В минуту возбуждения и склонения грех молчит, как будто не до него касается то, что происходит у человека; но теперь, когда хотят его поправить, он, тысячеглавый, как называет его святой Лествичник, тысячи воплей испускает

на человека, замышляющего сие. Подобно тому как пробудившийся, пока думает еще только встать, – все в теле у него спокойно. Но лишь только положит он встать самым делом и мало напряжет мышцы – все боли в теле, которые дотоле не беспокоили, теперь дают о себе знать и поднимают жалобы. Так и у склонившегося на благодатный зов греховные боли молчат, пока он доходит до сего склонения, но как только положит он приступить к делу, все эти немощи поднимают тревогу – сильную и смутительную. Помысл за помыслом, движение за движением поражают бедного человека и влекут назад, нападая без всякого порядка, со всех сторон охватывают душу и погружают ее в волнении своем. Все доброе у человека держится как бы на волоске и сам он поминутно готов оторваться от того, чем держится, и снова погрузиться в ту же среду, из которой восхотел выйти. Одно спасает его – та сладость, льгота и отрада, которые вкусить удостоился он в момент возбуждения, и та крепость, которую ощутил он, когда изрек в сердце: «Итак, сейчас начну». Кто видел, как малая искра туда и сюда носится в дыме, но все еще как бы стоит за себя или как малая частица дерева бросается волнующеюся струею то вверх, то вниз, то вправо, то влево, тот имеет в этом образ того, что бывает в сию минуту с благим желанием человека. Не в душе только смятения, но и кровь вся волнуется, бывает даже шум в ушах и туман в глазах. Нетрудно понять, что такое восстание не от греха только, живущего в сердце, но паче от родителя всех грехов – диавола, который не может оставаться покойным, когда появляется такой возмутитель в его царстве. Святитель Тихон говорит: «Когда грешник, благодатию Божиею подвижись, начинает каяться, то сретает его различное искушение. Начнет человек ко Христу приступать, а сатана вслед его женет²⁰ и отвлекает от Христа, запиная и различные простирает сети». У нас рассказывают о привидениях – и страшных, и прелестных, какие встречают добыватели какого-то цветка для отыскивания кладов; этот психологический миф лучше всего изображает все хлопоты диавола, чтобы отвлечь человека от доброго намерения купить бисер многоценный или достать сокровище, сокрытое на селе.

Здесь-то предлежит человеку сильная борьба с собою, как бы генеральная битва с грехом. Здесь он должен решительно пленить и поразить врага своего, наступить на сего змия, связать и всю его силу истощить. На успешном одолении греха здесь основывается надежда и действительность всех последующих его одолений в его восстаниях частных. Все, что здесь происходит, определить нет возможности, по разнообразию действующих лиц. Главные, впрочем, пункты, или обороты, сей брани, указать нетрудно, больше, однако ж, в пособие борющимся, нежели в интересах знания.

Видимо, что в душе нет точки опоры: она влается²¹, хотя еще цела, не разбита в своем добром намерении, вспомоществуемая благодатию Божиею. И кто другой поддержит, кто установит ее? Вот почему теперь наипаче предлежит ей вопиять к Богу усиленно, как вопиет утопающий. Враг схватил и поглотить хочет – вопий, как Иона во чреве китове или утопающий Петр. Видит Господь нужду твою и труд – и подаст руку помощи, поддержит и установит тебя так, как следует быть воину, выступающему на брань.

Вот где опора! Всего опаснее, если душа вздумает обрести ее в себе самой; тогда она все потеряет. Зло опять одолеет ее, затмит этот слабый еще в ней свет, погасит сей едва зажегшийся огонек. Душа знает, сколько она бессильна одна; потому, ничего не ожидая от себя, пусть падает в унижении пред Богом, пусть в сердце своем обратит себя в **ничто**. Тогда вседейственная благодать из сего **ничто** сотворит в ней все. Кто, в конечном самоуничижении, полагает себя в

руку Божию, тот привлекает к себе Его, сердобольного, и сильным становится Его силою.

При всем том, однако ж, от самоуничужения не должно ниспадать до расслабления душевного и, предав себя Богу, вместе с тем предаваться бездействию. Нет, всего ожидая от Бога и ничего от себя, должно и самому напрягаться к действованию и по силе действовать, чтобы было к чему прийти Божественной помощи, было что осенить Божественной силе. Благодать уже присуща, но она будет действовать вслед за своеобразными движениями, восполняя бессилие их своею силою. Итак, став твердою ногою в самоуничуженном молитвенном предании себя в волю Божию, и сам действуй, не расслабляясь.

Действуй против греха вообще, но особенно против коренных его возбудителей. Когда все мятется в душе, и помыслы, как привидения какие, стоят и объемлют ее, со всех сторон устремляя стрелы в самое сердце, – нетрудно заметить главных, так сказать, поджигателей зла. За множеством частных воителей стоят там, на самом заду, воители главные, отдающие приказания, заведывающие всеми распоряжениями, всем ходом войны. Это и суть коренные возбудители греха. На них и надо устремить все внимание, против них прямо вооружиться, их побороть и уничтожить. Когда они будут побеждены, мелкие воители рассеются сами собою.

Какие это главные возбудители греха и главные воители в защиту его, это указал Спаситель, когда призвал идти вслед Себя (см.: Мк. 8, 34–38). Кто хочет идти вслед Меня, говорил Он, «да отвержется себе», – отворотится от себя, сочтет себя будто чужим для себя, не стоящим внимания и сочувствия, за которого стоять не стоит. Это предполагает, что в сердце грехолюбивом постоянно живет и качественно противоположное сему расположение **саможаление**, как оно и есть на самом деле. Человек-грешник обходится с собою, как мать с нежно любимым детищем: жаль в чем-нибудь отказать себе, в чем-нибудь поперечить; не может одолеть себя, чтобы в чем-нибудь поднять на себя руку. Далее Спаситель обязует отказаться от всего, что в мире, для спасения души: «Кая бо польза человеку, аще приобрящет мир весь, и отщтит душу свою?» (Мк. 8, 36). Мир есть совокупность вещей вне нас, видимое, осязаемое, чувственное. Следовательно, приведенное обязательство предполагает в сердце человека склонность к вещественному, падкость на осязаемое, некоторую страсть питать себя и услаждать только видимым, чувственным. И действительно, в грехолюбце качественно **чувственность**: не имеет он вкуса к невидимому и духовному, а все чувственное так известно и так переиспытано. Потом внушает Господь, чтобы не стыдились Его в роде сем прелюбодейном и грешном. Это заставляет предполагать в грехолюбивом сердце стыдение людей в ущерб добру и правде. Так оно и есть. Живет обычно человек этою ненарушимостью заведенного вокруг порядка или установившихся отношений, оттого робеет поколебать их и для поддержания их готов бывает скорее покривить душою, нежели сделать кому-либо что наперекор, не уважить, войти в неприятности. Это – **человекоугодие**: «Что скажут и как быть, если придется разорвать связи?» Должно быть, это самая чувствительная уза греха, если для того, чтобы разорвать ее, он угрожается за сей стыд пристыжением на всеобщем суде: «Иже аще постыдится Мене и Моих словес в роде сем прелюбодейном и грешном, и Сын Человеческий постыдится его, егда приидет во славе Отца Своего со Ангелы святыми» (Мк. 8, 38). Это заключительное обращение к веку грядущему указывает в грехолюбивом сердце отсутствие чувства будущей жизни, заставляет предполагать, что той жизни для него будто нет, а оно все погружено в жизнь

настоящую. Так это и есть. Живет обычно человек на земле, будто тут вечно жить, а о будущем забывает; знает счастье только земное, и все цели сходятся у него в одном, как бы здесь хорошо прожить, а что дальше будет, о том и думки нет. Итак, **саможаление, чувственность, человекоугодие и земность** (что только и жизни, что на земле) суть характеристические черты грехолюбивого сердца, – следовательно, и коренные возбудители греха и главные за него воители. Самим нам, грешным, и не открыть бы их, и если бы не указал их Спаситель, конечно, мы и не знали бы их. Теперь же, когда они открыты, видно, что так, кажется, и быть должно. Человек, падший от Бога, обратился к себе – и наказан саможалением: это выходит из главного свойства грехопадения. Падший расстроился в себе, из духа ниспал в плоть – и томится в чувственности. Главное поприще, на котором раскрывается и свирепствует грех – это общество человеков грешащих, с такими порядками и соотношениями между ними, кои питают и поддерживают грех. Когда во всех сих оброках греха все идет благополучно – вот и счастье. Но как такого рода течение дел может быть только в сем веке, будущий же век требует совсем иного, то о нем и помышления нет, – оно не вмещается в голове и тем более не находит сочувствия в сердце.

Так вот эти-то корни грехов и являются возбудителями всех помыслов, восстающих на человека, когда он готов сделать движение из области греха на сторону добра, поднимают весь рой искусительных помышлений, смущающих, ужасающих, пресекающих. **Саможаление** вопит: «Что это за жизнь? Впереди видится один труд, тяготы, скорби, лишения, которым конца не видно; иди, как среди терний по колючкам голыми ногами, – поминутные уязвления!» **Чувственность** подает голос: «И ту вещь оставь, и другую, и то перестань делать, и другое – словом, все, в чем я находила вкус, а занимайся только духовным! Это отвлеченно, сухо, непитательно, безжизненно». **«Что скажут?»** Сочтут странным и чуждаться станут; между тем, надо порвать и ту, и ту связь, – как же быть после? А вот с этой стороны и вражды еще жди». Это вопль **человекоугодия**. А вот вопль **земляности**: «Будущее, конечно, будет – кто против этого спорит, – но ведь далеко еще, а тут-то как прожить? Живали же другие... Земное мы знаем, а там что? Это – в руках, а то – где оно?»

Да, приступит человек работать Господу, все это и завопит на него. И добро бы это были легкие какие-нибудь помышления, а то нет: они проходят до глубины души, поражают и влекут на свою сторону так, как если бы кто зацепил удою за живое тело и тянул к себе. Что тут делать человеку?

Помощь близ... Ты только усилия употребляй – и одолеешь, но употребляй усилия целесообразно. Молитвенно утвердившись, как сказано, в самоуничужженном предании себя воле Божией и вседействию благодати:

Спеша прогнать все эти помыслы из души, вытесни их из сознания особым напряжением самодеятельности, втесни их опять в то сокровенное место, из которого они вышли и возврати покой сердцу, потому что, пока не успокоится сердце, ничего нельзя будет делать дальше. Для сего, на первый раз, не занимайся с ними нисколько и не вступай в беседу, хоть бы и не мирную. Толпа необразованных скоро разбегается, если поступить с ними сурово с первого раза; если же скажешь снисходительное слово одному, другому, третьему – они набираются смелости и делаются настойчивее в своих требованиях. Так и толпа искусительных помыслов становится безотвязнее, если позволить им сколько-нибудь замедлить в душе, а тем более, если войти с ними еще и в переговоры. Но если их с первого раза оттолкнуть сильным напряжением воли, отвержением и обращением к Богу, то они тотчас удалятся и оставят атмосферу души чистою.

Но пусть прогнано это мрачное полчище злых помыслов, пусть сердце опять спокойно и стало на душе светло, помнить надобно, что тут для дела своего собственно ничего еще не сделано. Эти враги все еще живы. Они только вытеснены из внимания и, может быть, намеренно скрылись, чтобы в нечаянном нападении в благоприятное время тем вернее возвратить себе победу. Нет, на этом никак не следует останавливаться, иначе ни покоя, ни успеха не будет. Их надо умертвить, выманить и заклать на жертвеннике самоотвержения.

Итак, снова утвердившись в молитвенном предании себя Богу и благодати Его, вызывай каждого из возбудителей греха и старайся отвратить от них сердце и обратись к противоположному, – этим они будут отрезаны от сердца и должны будут замереть. Для сего дай свободу здравому рассуждению, а по следам его веди и сердце. Просветленное истиною и вспомоществуемое сокровенно действующею благодатию, рассуждение твое: пусть сначала представит все безобразие сих, можно сказать, исчадий ада; ты же понудь сердце свое восчувствовать **отвращение** к ним; потом пусть живее изобразит опасность, в какую они ввергают, пусть укажет в них самых злых врагов; ты же подвигни сердце свое возыметь к ним **ненависть**; затем пусть полнее изобразит перед тобою всю красоту и сладость жизни, в которую вступить они мешают, всю прелесть свободы от сих тиранов; ты же сердце свое, уже возымевшее отвращение и ненависть к ним, напряги **устремишься** от сих к тем, как елень на источники водные. Этим будет достигнуто требуемое. Коротка программа, но дело совершится, может быть, и не так скоро. Тут означены только стороны, на какие должно обратиться рассуждению, нить же самого рассуждения – вести и довести до цели надо всякому самому; своеличному рассуждению видна действенная и сильная мысль в том или другом отношении. Ведать, впрочем, надо, что рассуждение – рычаг, все же дело – в поворотах сердца. Можно сказать, что коль скоро произойдут в сердце указанные повороты, то мы – у цели.

Этот труд есть самый существенный в деле перелома воли. Надо и энергично производить его, и не отступать, пока сердце не дойдет, в сих поворотах своих, до последних пределов; последние же пределы суть **противочувствия** греховным возбуждениям – расположения, противоположные коренным требованиям греха. Таким образом, все надо трудиться над собою, пока вместо **саможаления** не возродится **безжалостность** к себе и непоощаение, не восчувствуется жажда страдания, желание умучить себя, истомить и тело свое, и душу; пока вместо **человекоугодия** не образуется, с одной стороны, **отвращение** от всех недобрых обычаев и связей, некоторое враждебное, с раздражением, противление им, а с другой – **обречение себя** на все неправды и все поношения людские; пока, вместо **вкуса** только в одном вещественном, чувственном, видимом, придет **безвкусие** к ним и омерзение и зачнется искание и жаждание одного духовного, чистого, Божественного; пока, вместо **земности**, ограничения жизни и счастья только землею, не исполнит сердца чувство **странничества на земле**, с единственным стремлением к отечеству небесному.

Когда образуются такие расположения, тогда все опоры греха будут подорваны. Он потеряет стойкость и власть определяющую, которая переходит теперь к самому человеку. Грех извергнут вон, стал вне. С сей минуты он уже будет искушающим, а не определяющим. И всякий раз стоит только привести в движение стяжанные теперь противочувствия ему, чтобы прогнать его. Из сего видно, какой великой важности есть описываемый теперь труд: им образуется внутри нас из нас новое лицо, с решительным отвращением от зла и направлением к добру, – совершается перелом воли, вследствие которого все в нас должно принять новый порядок.

Вот человек стоит уже на самом краю области греховной, ничто не отделяет его от страны света, свободы и блаженства. Узы спали, легко и отрадно на душе; она готова воспарить к Богу. Но коварство врага еще не истощилось. Еще есть у него стрела, которую приберег он к последней минуте. Только что душа напряжет свои силы, чтобы сделать последний шаг из области самоугодливости греха, как поражает ее внимание жалобный вопль: «Еще денек, и довольно, завтра переступишь сию границу». Потому ли, что в предыдущей борьбе душа утомляется и требует отдохновения, или потому, что уж таков закон у греха, только голос сей слышится. Тут нет противления добру, а только прошение – несколько поослабить приобретенное напряжение. Это вопль самый обольстительный: враг стоит будто за нас, умоляет, чтобы мы сжалились над собою, но склонись только мало на сей вопль, на это внушение, и все потеряешь, что приобрел. Тайными какими-то путями те прогнанные возбудители греха прокрадутся к сердцу, без нашего ведома совершат с ним прелюбодейство – и все расслабят и расстроят, что было задумано, так что, пришед в себя, человек видит себя на старой линии, как будто ничего и не предпринимал делать над собою. Холодность, дебелость и неподвижность опять одолевают его, хоть начинай сначала все, что, казалось, уже было пройдено. Поэтому не презирай сего малого будто бы требования: оно мало и ничтожно на вид, но на деле есть сокращение всего зла, есть прелестное представление рабства в виде свободы, льстивое дружество, скрывающее непримиримого врага. Возненавидь его всею ненавистию и, как только заметишь, – а он пролетает быстро, как молния, спеши изгладить след его так, чтобы и знака его не оставалось. Поставь себя опять в то же состояние, в каком был пред сим, и в том же напряжении внутреннем и внешнем решишь держать себя навсегда. Поразив и сего врага, ты останешься решительным победителем, взявшим себя в руки, станешь сам себе полным владыкою.

Таким образом, вслед за возбуждением благодати, **первое** предлежит свободе человека – **движение к себе**, которое она совершает тремя актами: склоняется на сторону добра – избирает его; устраняет препятствия, разрывает узы, державшие человека в грехе, изгоняя из сердца **саможаление, человекоугодие, склонность к чувственному и земность** и на место их возбуждая безжалостность к себе, безвкусию к чувственному, предание себя позору всякому и переселение сердцем в будущий век с чувством странничества здесь; наконец, воодушевляется сейчас же вступить на добрый путь, несколько не послабляя себе, а содержа себя в постоянном некотором напряжении. Таким образом все стихает в душе. Возбужденный, освободившись от всех уз, с полною готовностью говори себе: «востав, иду».

С этой минуты начинается **другое движение души к Богу**. Одолев себя, овладев всеми исходами своих движений, возвратив себе свободу, он должен теперь всего себя принести в жертву Богу. Значит, дело сделано еще только наполовину.

Б. Восход до обета посвятить себя Богу

Казалось бы, что все уже сделано, если принята решимость оставить грех и остается только действовать. И точно, можно действовать; но что это будет за деятельность и что за дух в ней? Человек остановился только еще на себе. Если он станет действовать, отправляясь от сей точки, то будет действовать от себя и для себя, хоть и в нравственном порядке. Это будет нравственность эгоистическая, языческая. Есть люди, которые говорят, что делают добро, как добро, делают это потому, что достоинство человека того требует, или потому,

что действовать иначе было бы неблагородно, неблагоразумно. Все такие делатели обличают, что образование в них внутреннего, нравственного человека не доведено до конца: они возвратились к себе, но от себя к Богу не подвиглись и себя Ему в жертву не принесли, остановились, значит, на полдороге. Цель свободы человека не в ней самой и не в человеке, а в Боге. В свободе Бог уступил человеку как некую часть Своей Божественной власти, но с тем, чтобы он сам произвольно принес ее в жертву Богу, как совершеннейшее приношение. И потому, если возобладал ты собою, иди, отдай теперь себя Богу. Когда грешил ты, то не себя только терял, но, теряя себя, отдалялся и от Бога. Теперь, возвращаясь из греховного плена, после того как возобладал ты собою, возврати себя и Богу. Казалось бы также, что и обращение от себя к Богу должно быть делом и не трудным, и не многосложным, как, например, обращение с запада на восток. Но ведь грешник, приступающий к Богу, не есть лицо от Него независимое и приближается к Нему не так, чтобы за ним ничего не было. Нет, он тот же, что беглый раб, возвращающийся к своему господину, что виновный, являющийся пред лицом царя-судии. Надо посему приступить так, чтобы быть приняту. В человеческих порядках господин принимает раба и царь возвращает милость виновному, когда, приступая к ним, каждый из них сознает вину свою, раскается в ней и даст искреннее обещание быть вперед совершенно исправным.

То же и в возвращении грешника к Богу. Он будет принят Богом, если а) сознает свои грехи, б) раскается в них и в) положит обет не грешить. Это – необходимые акты в сердечном воссоединении с Богом, от которых зависят твердость в новой жизни, совершенство в ней и благонадежность неизменного действия по ее требованиям. Блудный сын, возвращаясь к отцу, говорил: «реку: согреших» – сознание греха; «несмь достоин» – окаявание себя; «прими, яко единого от наемник» – обет работать. Итак, возвращаясь к Богу:

Познай свои грехи. И в возбуждении решимости оставить грех знал ты, что грешен, ибо иначе какая нужда замышлять перемену жизни? Но эта грешность представлялась тогда в смутном виде. Теперь надобно определительно разузнать, что именно грешно и в какой степени, – ясно, отдельно, как бы численно узнать свои грехи, со всеми обстоятельствами, умаляющими или увеличивающими греховность действий: критически пересмотреть всю свою жизнь, с судом строгим и нелицеприятным.

Для сего поставь, с одной стороны – закон Божий, а с другой – собственную жизнь, и смотри, в чем они сходны и в чем несходны. Бери ты свое дело и подводи его под закон, чтобы видеть, законно ли оно; или бери закон и смотри, осуществлен ли он в твоей жизни. Чтобы ничего не опустить в сем важном деле, держись в нем какого-либо порядка. Сядь и припомни все обязанности твои в отношении к Богу, ближнему и к самому себе и потом просмотри свою жизнь по всем сим отношениям. Или – разбирай заповеди десятисловия и заповеди о блаженствах, одну за другою, со всеми их приложениями, и смотри – такова ли твоя жизнь. Или – читай главы Святого Евангелия от Матфея, где Спаситель излагает закон собственно христианский, также послание святого Апостола Иакова, последние главы посланий святого Апостола Павла, в которых сокращенно излагаются обязательные для христианина дела, например: с Рим.12, с Еф.4, и прочее. Последние особенно важны тем, что изъясняют дух христианского жития. Сей дух ясно и сильно выражается и в Первом послании святого Иоанна Богослова. Читай все это и поверяй жизнь свою, такова ли она. Или, наконец, возьми чин последования исповеди и по нему обсуди свое поведение. Жизнь свою и дела рассматривай не как только дела человека, но как дела человека-христианина, и притом в определенном звании и состоянии.

Вследствие такого пересмотра своей жизни откроется безчисленное множество дел, слов, помышлений, чувствований, желаний беззаконных, коим не следовало быть, а они допущены, – множество таких, кои следовало сделать, а они не сделаны, да немалое число и из деланных по закону окажутся оскверненными, по нечистоте побуждений. Соберется всего этого бесчисленное множество, а может быть, и вся жизнь окажется составленною из одних дел недобрых. Главное, что надобно иметь в виду на сей первой степени познания своей греховности, – это есть точная определенность дел. Как послужной список пишется с численною определительностию, так и список дел своих каждый в уме своем должен вообразить с такою же определенностию – со всеми обстоятельствами времени, места, лиц, препятствий и прочего. Если самоиспытание у нас остается бесплодным, то это потому, что мы делаем только общие обзоры.

При всем том, однако ж, на сих дробностях останавливаться не должно, а надобно проходить далее по пути греха, или глубже входить в греховное сердце. Под делами, словами, частными помышлениями, пожеланиями и чувствами лежат постоянные расположения сердца, составляющие характеристические черты наши. Иные дела наши случайно прорывались, иные же исходили из сердца, и с такою силою, что их остановить не было сил, а иные делались непрестанно, обратились как бы в закон. Такое рассмотрение даст нам знать, каких дел производители скрываются в сердце и рождают постоянный, оттуда возникающий, позыв на них. Это и суть склонности греховные. Раскрывая их, мы разоблачим строй нашего сердца, число и взаимное сочетание склонностей его.

Когда это будет сделано, не может укрыться и главная, всем заведывающая, страсть. Известно, что корень всех грехов есть самолюбие. Из самолюбия выходят гордость, корыстность, сластолюбие, а от этих – все другие страсти, между которыми главных считают восемь, а прочим, производным, и числа нет. У всякого грешника есть все страсти – иные на деле, другие в зародышах, – потому что у всякого, кто грешит, заправляет делами самолюбие, семя всех страстей или склонностей греховных. Но не у всякого все они раскрываются в равной степени: у одного преобладает гордость, у другого – сластолюбие, у третьего корыстность. И гордый не чужд чувственных удовольствий – но ничего, если и не придется иметь их. И своекорыстный думает о себе высоко – но ничего, если иногда из выгод придется поступить и низко. И сластолюбец любоимателен – но ничего и ущерб, если им покупаются утехи. Так у всякого одна главная страсть. Все другие стоят в тени, в подчинении ей, и ею управляются, не смея властно действовать наперекор главной страсти. Все склонности и порочные привычки, открытые уже человеком в себе, оттеняются одною какою-либо страстию и ею воодушевляются. Она есть то, в чем наиболее качественно и воплощается в его лице корень всех зол – самолюбие. Познанием ее и должно завершиться сознание своей греховности.

Так наконец познаешь и корень своей греховности, и ближайшие его порождения – склонности, и порождения дальнейшие, многочисленные дела, – вообразишь всю историю своей грешности и напишешь ее, как на картине.

Познав свою грешность, не будь холодным ее зрителем, но старайся возбудить и соответственные ей спасительные **чувства сердечного раскаяния**. Казалось бы, что чувства эти тут в тебе и рождаются, как только познаешь грех, а на деле не всегда так бывает. Сердце грубеет от греха. Как чернорабочий грубеет от своей работы, так грубеет и человек-грешник, сам себя продающий в черную работу греха копать рожцы и питаться ими. Потому и здесь надо работать над собою, чтобы раздражить чувства раскаяния.

К сим чувствам переходят чрез чувство **ВИНОВНОСТИ** в грехах и безответности в них. Чувство виновности стоит на середине между познанием грехов и покаянными чувствами и само посредствуется **обличением себя**.

Начни же прежде **обличать себя** – и обличи. Устрани все из внимания и оставь себя одного с своею совестью пред лицом Бога – Судии всевидящего. Раскрой, что ты знал, что не должно, и, однако ж, похотел; мог и похотевши отстать и не употребил в свое благо своего самовластия: и разум, и совесть были против, и совне препятствия были, но все эти вразумления презрены тобою. Так сделай в отношении к каждому греху. Увидишь, что всякий грех делан самоохотно, с сознанием его грешности и еще с усилием в преодолении препятствий, – и совесть заставит тебя беспрекословно сознаться в виновности. Лукавство грешного сердца начнет, может быть, изобретать извинения – то в немощи естества, то в силе темперамента, то в стечении обстоятельств, то в напоре житейских отношений – не слушай. Все это могло усиливать влечение ко греху, но согласия на грех никто никогда вынудить не может – оно всегда есть дело произволения. Сказал бы: «Не хочу», – и всем искушениям конец! Наперекор этим «непщеваниям вины о гресех» ([Пс.140:4](#)), раскрой поплнее твои личные отношения: кто ты, где, когда и как грешил, чтобы открыть, сколько грешен грех именно твой, в твоём лице и в твоих обстоятельствах, – и во всем увидишь не поводы к извинениям, а моменты, увеличивающие твою виновность. Предел, до которого должно доводить дело самообличения, есть чувство безответной виновности – состояние, в котором скажется в сердце: «Ничего не имею в оправдание – виноват».

В этом действии обличения совестью человек утвердит за собою один грех за другим, и скажет: «И в том виноват, и в другом, и в третьем, во всем, во всем виноват», – облечется в свои грехи и станет чувствовать, что они лежат на нем всей своею тяжестью. В познании грехов можно еще представлять их вне сущими; в обличении же они зрятя внутрь именно нас самих и тяготят, и тем больше тяготят, что мы безответны в них. Дошедши до сего пункта, что остается сказать грешнику, кроме: «**Окаянен аз!** И то не хорошо, и это худо, я сам виноват в том, что это не хорошо и что оно во мне есть».

Как только произнесет человек в сердце своем: «Окаянен аз», – тотчас начнут возрождаться в нем, одно за другим, болезненные чувства раскаяния в грехах. Ему и **стыдно**, что вдался в такие низкие дела, и **досадно**, что поблажил себе и поддался своему злему произволу, и **болезненно**, что довел себя до такого нравственного расстройтва, и **страшно**, что оскорбил Бога и поставил себя в такое опасное положение и во времени, и в вечности. Чувства сии сменяются одно другим, и человек горит в них, как в огне. Он зрит себя висящим над бездною и в чувстве нисходит до состояния отверженных. Безотрадное томление дает проход и чувству безнадежности. И вот точка, на которой схватывает иногда человека-грешника бес отчаяния, внушая: «взящая²² вина твоя, еже оставитися тебе» (Быт.4:13).

В большей или меньшей степени испытывает эти чувства всякий грешник. Нечего жалеть, что они есть, а надобно желать, чтобы они были, и были посильнее. Чем больше горит в них человек и чем сильнее горение, тем спасительнее. В силе сего горения – основание будущей исправности. Тут узнает сердце, сколь сладок плод греха, и в этом почерпает крепость отвращаться от обаяний его.

Чувства раскаяния, очевидно, имеют разлагающее действие. Слово некое проходит до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судит помышления и мысли сердечные. Но цель, для чего производится сие в человеке благодатию

Божиею, не та, чтобы только разорить, но чтобы, чрез разорение старого, создать новое. Это новое засеменяется веянием надежды на возможность все поправить. Есть возможность исправить неисправное и возвратить потерянное, только возьми за дело. Казалось бы, что от чувств раскаяния – прямой переход к обету: «Итак, отвергаю грех и даю обещание работать единому Богу в исполнении Его заповедей». Но дающему такой обет надо быть уверену, что, с одной стороны, прежняя его неисправность прощена может быть, а с другой – что он может получить силы в помощь к устоянию в обете. Вот почему положение обета работать Господу посредствуется благонадежностью на помилование и на получение помощи свыше; а сия благонадежность производится верою в Господа Спасителя, Коим на кресте рукописание грехов наших разодрано и, по вознесении, поданы нам все «Божественныя силы, яже к животу и благочестию» (2Пет. 1, 3). Без сей веры и порождаемого ею благонадеяния томимый сокрушительными чувствами раскаяния идет путем иудиным. Вот когда для человека Крест Спасителя действительно есть якорь! Влаясь, как над бездною, в болезненном сокрушении о грехах, зрит он его единственным спасителем, за него емлется всею силою веры и упования и из него черпает силу воодушевления на положение обета. Как утопающий крепко берется за дерево, так кающийся – за Крест Христов, и чувствует, что уже не погибнет. Обыкновенно мы знаем силу крестной смерти Господа, а прошедший это болезненное раскаяние во грехах чувствует ее, потому что она становится элементом жизни его.

Итак, томимый чувствами раскаяния и уже колеблемый безнадежностью, подвигаясь к желанному обету:

Прежде поспеши воскресить живую веру в силу крестной смерти Христа Спасителя. Все грехи всех людей пригвождены ко кресту, а следовательно, и твои. Оживи сию уверенность, и на сердце твое повеет отрадою, и возникнет оно к благонадежю тотчас, как согреется сею верою.

К сему приложи крепкую уверенность и в том, что тебе даны будут силы к исполнению обета, как только приступишь к Таинствам. В них никому нет отказа. Затем они и стяжены Господом, чтобы их раздавать. Эта уверенность приведет в напряжение и твои собственные силы и родит готовность усердно работать при такой помощи. Родится ли обет без уверенности в помощи свыше? Но, с другой стороны, придет ли и уверенность эта, если не помышляется об обете? Тут взаимодействие.

И вот когда произойдет у тебя внутри это сочетание уверенности и готовности, давай обет – **прочее** единому Богу работать все дни живота твоего. Сей сердечный обет, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, искренно произнесенный, развеет весь мрак, облежавший душу, и осветит все нити внутренней и все порядки внешней жизни твоей. Здесь заключается завет сердца с Богом во Христе Иисусе. Посему в сем действии прежняя решимость получает истинно христианский характер.

7. Облечение силою свыше на дело богоугождения в таинствах покаяния и причащения

Восходом до обета завершается движение кающегося грешника к Господу. Теперь он делать будет только некоторые шаги к принятию исходящего в сретение его Господа. Блудного сына сретил отец припадением на выю его и облобызанием в знак всепрощения, затем одел его, как следует, и учредил для него трапезу. а)

Всепрощение кающемуся Бог изрекает в Таинстве покаяния; б) облакает же его силою и предлагает вечерю – в Таинстве причащения.

А. Кающемуся изрекается всепрощение в Таинстве покаяния

После того как человек-грешник дошел до обета работать отселе единому Богу, он должен спешить к Таинству покаяния. Необходимость сего так велика, что, все, сделанное доселе, без него не только останется недовершенным, но и должно пропасть без цены. Весь свой вес, все значение и силу оно получает только в сем Таинстве. Потому-то там, где нет Таинства покаяния, нет и живущих истинно по-христиански.

Первое, что делает необходимым это Таинство, есть некоторая нетвердость внутреннего делания вообще, некоторая его неопределенность и шаткость. Мысли наши, пока еще они в голове, бывают в ходе своем изменчивы, в порядке нестройны, в движении не установлены – и это не только тогда, когда предмет еще не уяснен, но и тогда, когда мы обсудили его хорошо. Но как скоро изложим их на бумаге, то они не только устанавливаются в порядке, но и окончательно уясняются и утверждаются. Точно таким же образом и перемена жизни, внутри только задуманная, одна бывает нерешительна и не тверда, и формы жизни, предначертанные в это время, шатки и неопределенны. Прочную установленность они получают в Таинстве покаяния, когда грешник в церкви откроет свои неисправности и утвердит обет быть исправным. Растопленный воск разливается неопределенно; но когда его вливают в форму или налагают печать, из него выходит нечто. И на внутреннего нашего человека надо положить свою печать, чтобы он принял определенный образ. Это делается над ним в Таинстве покаяния: тут запечатлевает его Божественная благодать Духа.

Духовную жизнь получает человек от Духа Божия. Благодать Духа сорастворяется с нами, начинает жить и действовать в нас и производить жизнь по духу. В кающемся доселе она действовала совне: совне возбудила его, совне назирала все исправительные движения внутри и содействовала им; но еще не проникла внутрь, не вселилась. Это совершается ею в Таинстве покаяния (а у обратившегося в первый раз к Господу – в крещении). Как томимый жаждою от принятия прохладной воды чувствует прохладу и подкрепление, так и горящий в огне раскаяния получает в Таинстве покаяния окончательно улаждающую его горести и вместе укрепляющую силу.

Что особенно делает необходимым Таинство покаяния, так это, с одной стороны, свойство греха, а с другой свойство нашей совести. Когда мы грешим, то думаем, что не только вне нас, но и в нас самих не остается следов греха. Между тем, он оставляет глубокие следы и в нас, и вне нас на всем, что нас окружает, и особенно на небе, в определениях Божественного правосудия. В час греха решается там, чем стал согрешивший: в книге живота он внесен в список осужденных – и стал связан на небе. Божественная благодать не низойдет в него, пока на небе не изгладится он из списка осужденных, пока там не получит он разрешения. Но Богу угодно было небесное разрешение – небесное изглажение из списка осужденных поставить в зависимость от разрешения связанных грехами на земле. Итак, прими Таинство покаяния, чтобы сподобиться всестороннего разрешения и открыть в себя вход духу благодати. Совесть, теперь возочищенная, возвратившая нежность и чутье к нравственному порядку, не даст покоя, пока решительно не уверимся в прощении. Такова она в обыкновенном порядке нашей жизни: не дает она нам и на глаза показаться к тому, кого оскорбили, пока не уверимся, что он простил нас. В отношении же к Богу она еще

разборчивее. Хотя в то время, когда человек возвышается до решительного обета, сходит на него некоторое уверение, что он теперь не противен Богу; но эта уверенность – своя и прочна быть не может, ее скоро поколеблет сомнение: «Да так ли, да не самообольщение ли это», а сомнение внесет тревогу внутрь, от тревоги же – расслабление. При этом жизнь не будет иметь ни твердости, ни стройности. Итак, надобно человеку услышать всепрощение от лица Божия, чтобы, окончательно успокоившись уверенностью в милости Божией, действовать потом решительнее и тверже в этой уверенности. Поди же исповедуйся – и получишь от Бога объявление о прощении.

К спасительной исповеди надо достоительно подготовиться. Кто прошел все сказанное доселе, тот готов. Приступи же с благоговейною верою!

Твердо убедившись в необходимости сего Таинства, иди к нему – не как к какому-либо приладку в перемене жизни твоей или простому обычаю, а с полною верою, что для тебя, как грешника, это – единственно возможный путь спасения; что, минуя его, ты пребудешь в числе осужденных и, следовательно, вне всяких милостей; что, не вошедши в сию врачевницу, не возвратишь здравия духу своему и останешься, как был, больным и расстроеным; что не увидишь Царствия, если не войдешь в него дверью покаяния.

Таковыми убеждениями возроди в себе желание сего Таинства. Приступай к нему не как к месту заклания, а как к источнику благ. Кто живо вообразит себе тот плод, который рождается в нас от исповеди, тот не может не стремиться к ней. Идет туда человек весь в ранах, от главы до ног нет целости, а оттуда возвращается здоровым во всех частях, живым, крепким, с чувством безопасности от будущих зараз. Идет туда под тяжелым бременем – вся сумма прошедших грехов на нем, она мучит и отнимает всякий покой у него, а оттуда возвращается облегченный, обрадованный, в отрадном расположении духа, что получил хартию всепрощения.

Будут приражаться стыд и страх – пусть! Тем и вожделенно должно быть сие Таинство, что наводит стыд и страх; и чем больше будет стыда и страха, тем спасительнее. Желая сего Таинства, желай большего устыждения и большего трепета. Кто решается лечиться, разве не знает о болезненности лечения? Знает, но, решаясь на лечение, он вместе с тем определяет себя и на сопряженные с ним страдания в надежде выздоровления. И ты, когда томился в нашедших на тебя чувствах раскаяния и порывался приблизиться к Богу, не говорил ли: «Все готов перенести, только помилуй и прости!» Вот и случилось по твоему желанию. Да не смущают же тебя находящие стыд и страх – они твоего ради блага сопряжены с этим Таинством. Перегоревши в них, больше окрепнешь нравственно. Горел уже ты не раз в огне раскаяния – погори и еще. Тогда один горел ты пред Богом и совестью, а теперь погори при свидетеле, от Бога поставленном, во свидетельство искренности того уединенного горения, а может быть, в восполнение неполноты его. Будет суд и на нем стыд и страх отчаянные. Стыд и страх на исповеди искупают стыд и страх **тогдашние**. Не хочешь тех, перейди эти. Притом всегда так бывает, что по мере тревоги, какую проходит исповедающийся, избыточествуют в нем и утешения по исповеди. Вот где Спаситель воистину являет Себя Успокоителем труждающихся и обремененных! Искренно покаявшийся и исповедавшийся опытно сердцем ведает сию истину, а не верою одною приемлет.

Затем, припомнив снова все содеянные тобою грехи и возобновив созревший уже в тебе обет не повторять их более, восставь живую веру, что стоишь пред Самим Господом, приемлющим исповедание твое, и рассказывай все, ничего не утаив из того, чем тяготится совесть твоя. Если ты приступил с желанием устыдить себя, то не будешь укрывать себя, а изобразишь, сколько можно полнее, твою

срамоту в падкостях на грехи. Это будет служить к насыщению твоего сокрушенного сердца. Надобно быть уверенным, что всякий сказанный грех извергается из сердца, всякий же грех утаенный остается в нем тем в большее осуждение, что с этою раню грешник был близ Врача всеисцеляющего. Утаив грех, он прикрыл рану, не жалея, что он мучит и расстраивает его душу. В повести о блаженной Феодоре, проходившей мытарства, говорится, что злые обвинители ее не находили в хартиях своих записанными те грехи, в которых она исповедовалась. Ангелы потом объяснили ей, что исповедь изглаждает грех из всех мест, где он обозначается. Ни в книге совестной, ни в книге животной, ни у этих злых губителей не числится уже он за тем человеком – исповедь изгладила эти записи. Извергни же без утайки все, тяготящее тебя. Предел, до которого надо довести открывание своих грехов, тот, чтобы духовный отец возымел о тебе точное понятие, чтобы он представлял тебя таким, каков ты есть, и, разрешая, разрешал именно тебя, а не другого, чтобы, когда скажет он: «Прости и разреши кающегося, о ниже содела согрешениях», – в тебе не оставалось ничего, что не подходило бы под эти слова. Хорошо делают те, кои, готовясь к исповеди в первый раз после долгого пребывания во грехах, находят случай предварительно переговорить с духовным отцом и рассказать ему всю историю жизни своей греховной. Таким нет опасности забыть или пропустить что-либо в смятении во время исповеди. Всячески стоит позаботиться о полном открытии грехов своих. Господь дал власть разрешать не безусловно, а под условием раскаяния и исповеди. Если это не выполнено, то может случиться, что тогда, когда духовный отец будет произносить: «Прощаю и разрешаю», – Господь скажет: «А Я осуждаю».

Вот исповедь кончена. Духовный отец поднимает епитрахиль, покрывает им голову кающегося и, держа на ней руку, произносит разрешение во всех грехах, запечатлевая его крестным по главе знамением. Что происходит в это мгновение в душе, известно всякому, искренно кающемуся. Потoki благодати от главы разливаются в сердце и преисполняют его отрадою. Это не от человеков – ни от кающегося, ни от разрешающего: это тайна Господа Целителя и Успокоителя душ... Бывает при этом, что у иных в сердце внятно слышится какое-либо Божественное слово в укрепление и воодушевление на будущее делание. Это как бы духовное оружие, вручаемое от Христа Спасителя человеку, который теперь вступает в число воинствующих под Его знамением. Кто сподобился услышать такое слово, пусть хранит его потом как успокоительное и воодушевительное; успокоительное, ибо явно, что исповедь принята, когда Господу угодно было вступить как бы в беседу с кающимся, воодушевительное, потому что в час искушения стоит только припомнить его, и откуда сила возьмется!.. Воины на брани чем воодушевляют себя? – Тем словом из речи полководца, которое сильнее подействовало. Так и тут.

Тем все завершается... Остается припасть к Богу в чувствах благодарения за неизреченные Его милости и поцеловать крест и Евангелие в знак обета – идти неуклонно путем, указуемым в Евангелии, с самораспинанием, идти вслед Христа Спасителя, как описано в Евангелии, под благим игом Его, теперь только взятым на себя. Совершив это, иди с миром в намерении непременно действовать по тому, как обещал, памятуя, что суд с этих пор над тобою будет уже от слов твоих. Положил обет – держи его; запечатлел его Таинством – тем более будь верен ему, чтобы не попасть опять в разряд попирающих благодать.

Духовный отец наложит на тебя епитимию, прими ее с радостью. А если бы духовный отец не наложил, то проси наложить. Это будет не только напутствием тебе в добрый путь, на который вступаешь, но и защитою и прикрытием от

сторонних враждебных действий на тебя в новом порядке жизни твоей. Вот что пишет об этом Святейший Патриарх Константинопольский²³ в «Ответе лютеранам»: «Отпущение грехов мы сопровождаем епитимиями по многим уважительным причинам. Во-первых, для того чтобы чрез добровольное злострадание здесь грешнику освободиться от тяжкого невольного наказания там, в другой жизни, ибо Господь ничем столько не умилоствует, как страданием, и тем более страданием добровольным. Потому и святой Григорий говорит, что за слезы воздается человеколюбием. Во-вторых, для того чтобы истребить в грешнике те страстные вожелания плоти, которые порождают грех, ибо мы знаем, что противное врачуется противным. В-третьих, чтобы епитимия служила как бы узами или уздой для души и не давала ей снова приниматься за те же порочные дела, от которых она еще только очищается. В-четвертых, для того чтобы приучить к трудам и терпению, ибо добродетель есть дело трудов. В-пятых, для того чтобы нам видеть и знать, совершенно ли кающийся возненавидел грех»²⁴.

Кто проходит весь этот курс врачевания духовного, как должно, и, главное, без утайки исповедует свои грехи, тот возвращается из дома Божия, как возвращаются из судебного места виновные, кои, вместо приговора на смерть, услышали там объявление помилования и забвение их преступлений, возвращаются с глубочайшим чувством благодарения к Спасителю душ наших, с твердою решимостью посвятить Ему и исполнению заповедей Его всю остальную жизнь, с крайним отвращением от всех прежних грехов и неудержимым желанием изгладить все следы прежней недоброй жизни. Получивший разрешение чувствует в себе, что он не празден, что его посетила особая некая сила. Божественная благодать, которая доселе только совне действовала на него в помощь ему в победе над собою, теперь с словами: «Прощаю и разрешаю» вошла внутрь, срастворилась с его духом и исполнила его огненностью и стремительностью, с коими и исходит он теперь на дело и на делание свое до вечера жизни своей.

Б. Кающийся приступает к Таинству святого причащения

В притче о блудном сыне отец, приняв возвращающегося к нему с раскаянием сына, после того как, падши на выю его, облобызал его в знак всепрощения, повелел одеть его и готовить вечерю светлую и отрадную. Родительское сердце не довольно было прощением, оно решительнее хочет уверить сына в своем с ним примирении и сильнее выразить радость свидания с ним по расставании столь горестном. Отеческая любовь дает то, чего и не ожидала сыновняя надежда. Какой грешник мог ожидать большего чего-нибудь после того, как получил всепрощение? И вот, однако ж, он приглашается еще и на вечерю Господню, где Господь Сам дает ему Плоть Свою ясти и Кровь Свою пити. Это – венец щедродательности к обращающемуся грешнику и, однако ж, не избыток, а существенная необходимость в воссоединении с Господом.

Жизнь христианская есть жизнь в Господе Иисусе Христе. Уверовавший облекается во Христа и живет Им. Падший по крещении теряет эту благодать; восставая от падения и возвращаясь к Господу, ему опять надо сподобиться ее – и сподобляется в святом причащении. «Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Аз в нем», – говорит Господь (Ин. 6, 56). Тут в кающемся и начало жизни о Христе Иисусе. Господь сказал, что Он есть лоза, а верующие в Него – ветви (см.: Ин. 15, 46). Ветвь не живет, если она не на лозе; так и верующие не живут, если не в Господе. Нигде нет жизни истинной, как только в этой лозе. Что не на ней, то мертво. Посему кто хочет жить истинно, тот должен привиться к

ней, принимать от нее соки жизненные и жить, питаясь ими. Привитие и совершается во святом причащении: здесь христианин становится едино с Господом. Когда Господь руководил только грешника к полному покаянию, то толкал лишь в двери сердца; когда же отверзаются они сокрушением и покаянием, Он входит внутрь и вечеряет с причастником.

Теперь человек рождается вновь. Начинается у него жизнь совершенно в новом роде. Жизнь не может продолжаться без пищи, и притом пищи сродной себе. А такого-то рода пища и есть Тело и Кровь Господа. Сам Он сказал: «Плоть бо Моя истинно есть брашно, и Кровь Моя истинно есть пиво» (Ин. 6, 55). Ими и должно начавшему новую жизнь питать сию жизнь. Тем паче необходимо вкусить сей пищи на первых порах, при первых, так сказать, движениях новой своей жизни. Говорят, что первая пища имеет влияние на характер телесной жизни и после составляет постоянную потребность тела. Какой же должен быть характер жизни у покаявшегося? Жизнь о Христе Иисусе, Господе нашем. Что должно составлять постоянную потребность его? Потребность общения с Господом. Пусть же спешит на первых движениях сей жизни вкусить Тела и Крови Христовых, чтобы положить, так сказать, основу жизни, сообразной с Христом, и зародить живую потребность постоянного с Ним общения посредством сего вкушения. Вкушающий, ощутив сладость сей манны небесной, уже не может потом не алкать и не жаждать больше и больше сего вкушения.

Итак, получив помилование и всепрощение в покаянии, приступи к святому причащению, для полноты оживления внутреннего твоего человека.

Нет нужды прописывать особые правила приготовления к сему. У покаявшегося есть уже все к тому потребное, и он естественно переходит к причащению. Кто оплакал свои грехи и исповедался, тот готов приступить к сему великому Таинству. И Апостол ничего более не предписывает; он говорит только: «Да искушает... себе, и тако от хлеба да яст, и от чаши да пьет» (1Кор. 11, 28). Можно сказать: имей то, что есть, или не потеряй того, что имеешь, – и довольно.

По заведенному у нас порядку, после исповеди до причащения не много проходит времени: большею частью только вечер, утро и Литургия. В эти моменты и позаботиться надобно сохранить благонастроение, принесенное из храма после исповеди, и применить к общению с Господом во святом причащении.

Храни неразвлеченным внимание и сердце безмятежным. Блюдись рассеяния и смятенных забот и, от всего отстраняясь, войди в себя и пребудь сам с единою мыслию о Господе, имеющем прийти к тебе. Устрани всякое движение мысли и, созерцая единого Господа, молись Ему неразвлеченною сердечною молитвою.

Если мысль не может пребыть в сем едином, дай ей в занятие размышление о самом причащении, а чтобы она не блуждала много, связывай ее словами Господа и святых Апостолов о сем Таинстве.

Размышляя о каком-либо изречении Господа или святых Апостолов, извлекай из них назидание и располагай себя к сокрушенной молитве. Когда придет молитва, падай пред Господом и не отступай от молитвы, пока есть молитва.

В этих занятиях проводи вечер, пока сон смежит очи. Настанет утро. Как только придешь в себя, проснувшись, прежде всего воскреси сознание о величии наступившего для тебя дня. Но не суетись, не развлекайся многим, имея во внимании только то, что имеет быть с тобою и в тебе. Блюдись! Враг всячески искушать будет, чтобы поставить душу в недоброе состояние, стараясь или мысли рассеять, или заботу о чем породить, или недовольство чем, или неудовольствие на кого возбудить. Внимай себе, молясь ко Господу, и избежишь сих преткновений.

Вошедши в храм, чувствуй себя так, как если бы ты был в Сионской горнице, где Господь причащал святых Апостолов, и внимай более, чем когда, поемому и читаемому, направляя все к тому помышлению, что это для тебя Сам Господь готовит спасительную вечерю.

При сем возгревай **веру** в действительное присутствие Самого Господа и Спасителя в Святых Тайнах. Исходя от сей веры и созерцая Самого Господа, уже как бы грядущего к тебе, **самоуничиженно** взывай: «...несмы достоин, да под кров мой внидеши» (Мф. 8, 8). От самоуничижения переходи к сыновнему **страху**, не отревающему, но приносящему благоговейную трезвость. Поелику же Сам Господь и приглашает, и повелевает приступить, будь готов приступить **благонадежно**, с желанием и **жажданием**, как «елень на источники водные» (Пс.41:2), и **чая** с уверенностью принять Самого Господа, а с Ним и все сокровища жизни, в Нем сокровенные. От сего чаяния, которое не посрамит, опять обращаясь на себя, в готовности сретить Господа, сильнее возгрей сердечное **сокрушение** и повтори **обещание** отвращаться от греха, хоть бы для сего и умереть пришлось.

Потрудись всю Литургию простоять, переходя от одного из сих чувств к другому, и в сем благонастроении приступи наконец к Чаше Господней, узрев которую воздай поклонение грядущему к тебе Господу и, отверзши уста и сердце, прими Его, смиренно и благоговейно возвав с Апостолом Фомою: «Господь мой и Бог мой!» (Ин. 20, 28).

Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!

Приступив с таким расположением к Чаше Господней и отходя от нее, ты будешь чувствовать в сердце своем: «истинно слово... Божественных причащаяся благодатей, не убо есмь един, но с Тобою, Христе мой, Светом трисолнечным, просвещающим мир». Отселе ты начинаешь носить в себе Христа. Попекись же усердно успокоить Его всячески и удержать в себе. Если Христос в тебе, кто против?.. И все прочее возможешь о укрепляющем тебя Господе.

Этим завершается образование духовной жизни в человеке-христианине, после грехопадения снова обращающемся к богоугождению.

Вот весь порядок обращения! Он представлен здесь в виде долгой истории для того, чтобы яснее видеть все обороты, какие должен желать обращающийся, при взаимодействии свободы и благодати. Все сказанное бывает у всякого обращающегося, но как и в какой мере – это зависит от личностей и обстоятельств каждого. У иного все обращение совершается в несколько минут, а между тем он и возбужден бывает, раскаивается и восходит до решимости. Духовные явления мгновенны. Впрочем, такого рода примеры обращения очень редки; большею же частью все обращение совершается не вдруг, а постепенно. Самые изменения внутренние хотя мгновенны, но доходят до них не всегда вдруг, а иногда после довольно долгого труда над собою. У иного потому обращение полное продолжается годы. Главные точки, на которых делается застой, суть те, где должно страдать самолюбие, при одолении, например, препятствий или возбудителей греха, при исповеди и прочем. Последнее состояние, до которого должно дойти, есть совершенное отрешение от всего и предание себя Господу. С этой минуты и начинается полная истинно христианская жизнь, потому что тогда человек бывает у цели – сокровен в Боге. Все зависит от ретивости, с какою кто возьмется за себя, и убеждения, что уж что необходимо, то надобно сделать, – теперь ли, после, а надобно: лучше же теперь, – и начинает работать, и скоро устанавливается. А установиться и есть главное дело обращения.

* * *

⁶даром Ред.

⁷Блаженного; 15 июня – Ред.

⁸Мурина; августа 28 – Ред.

⁹Ермопольского; сентября 6 – Ред.

¹⁰в иное место – Ред.

¹¹второе сплетены – Ред.

¹²Отступник – Ред.

¹³Египетского – Ред.

¹⁴уберечься – Ред.

¹⁵Прекраснейшие образцы в сем роде у святителя Тихона. Он глубже всех, кажется, уразумел, что лучшее употребление дара писать и говорить есть обращение его на вразумление и пробуждение грешников от усыпления. К тому и ведет почти всякая статья его. Такою же должна быть и всякая церковная проповедь, и всякая беседа.

¹⁶благодати – Ред.

¹⁷При всем том никак не излишне иметь под руками душеспасительные книги, в которых ясно и с силою были бы раскрыты все предметы, о которых следует рассуждать с собою. Неоцененны в сем отношении в писаниях святителя Тихона статьи о грехе, об ослеплении, о прощении некаящемуся, келейные письма. В пособие к сему именно рассуждению с собою издается сборник святоотеческих писаний, под заглавием: «Востани спяй...»

¹⁸ниспадет, капнет – Ред.

¹⁹вручает, отдает – Ред.

²⁰гонится, преследует – Ред.

²¹колеблется, мятется – Ред.

²²большая – Ред.

²³Иеремия – Ред.

²⁴Христианское чтение. 1842. Ч.1. С.244.

Источник: Путь ко спасению: краткий очерк аскетики: начертание христианского нравоучения / Святитель Феофан Затворник. — Москва : Правило веры, 2008. —